

ЛИАННА ГЕЙЛ

ВОСЕМНАДЦАТЬ БЕЗБОЖНЫХ
ЛЕТ

Лианна Гейл

Восемнадцать Безбожных лет

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Гейл Л.

Восемнадцать Безбожных лет / Л. Гейл — «ЛитРес: Самиздат», 2016

С самого рождения Лианна знала о своём предназначении. Её отец, барон Горвей, никогда не скрывал от дочери, чем она должна стать для этого мира, и что ей предстоит совершить для своего отца. В мире, где каждые пять сотен лет старый Бог умирал, уступая место новому, Лианна готовилась занять свой небесный престол после Восемнадцати Безбожных лет. Скрытая с самого рождения от людских глаз, она должна была стать самым сильным и самым жестоким Богом, каких только помнили люди... Но судьба распорядилась иначе, столкнув её с тем, чему она не могла противостоять – простой человеческой любовью. Эта история о том, что самое ожесточённое сердце, самую израненную душу, можно растопить каплей тепла.

© Гейл Л., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
Часть I. Барон Горвей	6
Часть II. Лианна	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Сгрудившиеся над берегом тучи не пропускали ни луча света. Мрачные, свинцовые гиганты облаков ожесточённо наваливались на землю, огромные волны одна за другой накатывали на песок, с шумом разбиваясь о прибрежные камни. Страшно стонал ветер, гоня солёные брызги. Вода накатывала с такой силой, что мелкие лодочки, в спешке оставленные рыбаками, с грохотом выбрасывало далеко от кромки воды и разбивало и землю. Море бушевало всю ночь, и где-то в полночь, когда в скалах особенно прерывисто вздохнул ветер, волны выбросили на берег обломок судна, которое, должно быть, нашло свою гибель далеко отсюда. Промокшее насквозь дерево облепила тина, обтесала вода, сделав его гладким и скользким. Скорее всего, раньше это был кусок мачты, а то, что судорожно отцепилось от него и теперь яростно поползло прочь от вновь надвигающийся волны, когда-то, видимо, было человеком. Это бледное, худощавое создание больше походило на скользкую змею или угря, так извивалось оно на песке, силясь вырваться из лап смерти. Оно было не в силах двигать заочковевшими, сведёнными судорогой руками и ногами, спутанные, мокрые волосы залепляли лицо, не давая видеть, но существо чувствовало, куда ползти, где находится спасение.

Новая волна, в бешенстве, видя, как ускользает её добыча, накинулась на бедную жертву, пытаясь вновь утянуть в свои ледяные объятия. Чувствуя, как его привлекает обратно в бездну, существо со всей силой вцепилось в землю. Но такая звериная мощь была в этой хватке, что даже когда волна в последней попытке стала смывать спасительный песок, жертва сумела удержаться, хватаясь за острые, ранящие руки камни. И вот, последний раз горестно и разъярённо взыв, вода, шипя и пенясь, уползла прочь, признавая поражение. Секунду фигура лежала без движения, можно было подумать, что вся её жизнь ушла на эту последнюю попытку спастись...

Но вдруг, по худому телу прошла судорога, и фигура вновь рывками заскользила прочь, стараясь убраться подальше от проклятого моря, сулящего смерть и муку. Преодолев ещё несколько страшных метров, изорвав одежду и руки об острые камни, это создание опустилось на землю, тяжело, прерывисто дыша. Вокруг выл ветер. Волны где-то с грохотом разбивались о скалы, и сквозь этот шум и вой вдруг послышался страшный, надменный, истерический смех. Спасшееся существо сотрясалось от хохота, не в силах сдержать своего безумного восторга.

– Жива. Ха-ха-ха, жива! – раздался хриплый, сдавленный голос, а потом создание разразилось кашлем, отплёвывая воду. Освободив лёгкие, оно перевернулось на спину, глядя вверх раскалено голубыми, пронзительными глазами. Две растрёпанные косы разметались на песке. Грудь бледной, худой как призрак девушки, ходила ходуном, дыхание с тяжёлым хрипом вырывалось из лёгких, но губы её улыбались, гордо и страшно.

– Бог не может погибнуть в море! Не быть мне твоей добычей, водяная могила! У меня есть цель куда более ценная, чем сдаться твоим водам!

Вокруг продолжала свирепствовать буря. Вскоре, утомлённая нечеловеческой борьбой, измученная до последнего предела, девушка впала в беспамятство. Она не знала, что когда она родилась, над миром разразилась буря ещё страшнее этой.

Часть I. Барон Горвей

*Ее душа была из тех,
Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех...*
М.Ю.Лермонтов «Демон»

Глава первая. Ночь Бури

Каждые пять сотен лет умирает старый Бог. И это событие таит в себе ужас для обычных людей, ведь это означает восемнадцать безбожных лет – страшное, тёмное время, когда над миром никто не стоит, защищая слабых, исцеляя больных, благословляя людей. Бог, вершащий правосудие, движущий силами природы, исчезает, и мир погружается в хаос, объятый страшной бурей. Но и во мраке теплится луч надежды – на смену старому Богу рождается новый. В эту страшную ночь, один человеческий ребёнок родится с родимым пятном во всю спину – изображением солнца. И в этом маленьком комочке, дремля, сокрыта божественная сила, которая пробудится восемнадцать лет спустя, когда он явится в храм, предъявив права на Божий Престол. Кем родится этот ребёнок – благородной ли крови или нет, в нужде или в богатстве, мальчик это будет или девочка – неизвестно. Божественная искра может вспыхнуть в утробе любой женщины, крестьянки, королевы или же...

Но что же произойдёт, если ребёнок попадёт не в те руки? Что если новый Бог, надежда мира, будет расти среди злобы, ненависти и порока? О, тогда, спустя восемнадцать лет, мир погрузится ещё в большее отчаяние, чем прежде. Пятьсот лет с немилосердным, жестоким Богом! И, чтобы этого не допустить, орден Божьих монахов, предвидя скорую кончину старого Бога, отправляет в каждый город, в каждую деревеньку своих паломников, чтобы те собирали в Ночь Бури всех беременных женщин под своды храмов, дабы сразу найти и узнать божественное дитя. И многие поколения старых Богов, давно ушедших, попадали в руки добрых монахов, чтобы пройти обучение мудрости, доброте, кротости и смирению в Божьем храме. Они путешествовали, познавая мир, роднясь с ним, узнавая. За изучением старинных летописей, окружённые добром и чистотой, они учились сострадать людям, помогать слабым, уважать сильных. И так должно было быть и в этот раз, но судьба решила распорядиться иначе, видимо, чтобы проверить стойкость и силу людских сердец.

* * *

Тюремщику показалось, что сквозь страшное завывание ветра за узким, решётчатым окном, донёсся душераздирающий крик. Удивлённо подняв голову с груди, он весь насторожился, судорожно вцепившись в связку с ключами, будто у него хотели её отнять. На землистом, изъеденном оспой лице отразился благоговейный страх. Никто бы не хотел услышать крик в такую ночь! Дождь хлестал по каменным стенам замка с чудовищной силой, так, что, казалось, вот-вот пробьёт камни и хлынет внутрь. Ветра гнали чёрные тучи прямо к земле,

всё вокруг выло и стонало, словно разверзлись пучины океана, и тысячи утопленников звали и плакали о помощи. Не хватало ещё и криков в ночи...

– Проклятый Бог, – прорычал охранник, сплунув на пол и стараясь вновь устроиться удобно на стуле, прислонённом к стене. Пламя факела мелко подрагивало. – Он всех нас угробит такой то бурей. Ещё не хватало воду вычерпывать из темниц...

Но вдруг, стоило ему вновь сонно опустить голову на грудь, новый, отчётливый, ужасный вопль пронёсся по холодным, сырым коридорам темницы. И в этот раз охранник в ужасе вскочил, бешено вращая глазами. Единственное, чего ему сейчас хотелось – это бежать куда глаза глядят, но отлучаться с поста было строго запрещено. Его могли наказать, отсечь руку или ещё что похуже, поэтому он продолжил стоять, трясаясь и вздрагивая от воя ветра. Крик стих и теперь по стенам пополз жалобный, тягучий стон. Осторожно двигаясь вперёд, надсмотрщик двинулся на него, постоянно останавливаясь и молясь, хотя знал, что молиться уже некому. Потянулась длинная череда темниц, где по углам ютились озябшие, тощие, словно призраки, заключённые. Обычно здесь не было так мертвенно тихо. Но пленники, напуганные это тёмной, страшной, судьбоносной ночью, сидели молча, провожая охранника с факелом округлыми, ошалелыми глазами. Видимо, крик и их ввел в трепет. Серый, склизкий камень сменяли ряды решёток, а замки, давно не открывавшиеся, были покрыты слоем ржавчины. Стараясь не оступиться на мокром полу, охранник двигался дальше, пламя подрагивало на бледных лицах пленных.

Послышался плачущий стон и шелест надтреснутых, высоких голосов. Тюремщик приблизился к камере, в которой ютилось несколько оборванных, перепуганных женщин. Куртизанки. О, таких камер тут было достаточно! Барон Горвей, владелец замка и темниц, не выносил этих падших женщин! Стоило хоть одной появиться на улицах его города, как её тут же хватали и заталкивали, с визгами и воплями, к остальным, стонущим, молящим о прощении. И отбиваться от солдат не было никакого толку, только зубы все выбьют. Но этот город боялись и старались обходить стороной не уличные девки и прочие мелкие воришки, нечистые на руку, а только честные торговцы и путешественники. Несмотря на суровое наказание воров и бандитов, этот замок с высокими, угрюмыми стенами и мрачными темницами притягивал к себе всякий сброд, шатающийся по улицам ночью. Угроза быть заточёнными в тюрьму, казалось, не пугала, а даже развлекала их, приманивая со всех уголков королевства, и, сколько бы ни бился барон, его город считался рассадником порока и гнили. Поэтому, Горвей неистовствовал, стараясь очистить свои владения, но всё было тщетно.

Тюремщик остановился и выше поднял факел. Худые, оборванные тени бросились враспынную от лучей света, будто это был святой огонь, слепящий их нечистые взоры. Вытянутые, бледные, некрасивые лица следили блестящими, чёрными глазами, в спутанных волосах застряли сор с покрытого редкой соломой пола. Подняв руку выше, тюремщик прищурился, стараясь разглядеть, что же тут могло издавать такой стон? В тёмном углу кто-то возился. Послышался слабый писк.

– Эй, что у вас там? – крикнул охранник, ударив по решётке дубинкой. Внутри заматались, прячась по углам. Раздался жалобный визгливый плач. – Я спрашиваю, что там? А, проклятые! А ну отвечай!

Он схватил за волосы девушку, старавшуюся прошмыгнуть мимо. Она была совсем молоденькой, лет шестнадцати. Вскрикнув, она повисла на его руке, тщетно стараясь высвободиться.

– Прекрати орать! – тюремщик хорошенько встряхнул её. – Говори, в чём дело?!

– Там Рыжая родила! Ой, ой! Дитё. Ааа! Отпусти!

– Чего? – у стражника по спине пополз неприятный, первобытный мороз, и он досадливо отшвырнул девушку. Та, всхлиывая, быстро поползла в спасительную темноту.

Перебрав ключи, он открыл тяжело поддавшийся замок и шагнул в камеру. Вокруг зашипел змеиный клубок.

– Кто сунется к двери – все кости переломаю, ясно?! – рявкнул он разъярённо, со всей силы треснув дубинкой по решётке. Та глухо задрезбужала, напоминая удар колокола. Вокруг всё затихло.

Темница была небольшая. Сделав пять или шесть шагов, стражник остановился, не решаясь подойти ближе. Тут в углу, на соломе, которая была собрана со всей камеры, лежала на спине женщина. Юбка её была бесстыдно задрана, грудь тяжело, облегчённо вздымалась, к себе она прижимала что-то маленькое, сморщенное, красное, всхлипывающее. Рыжие волосы женщины были размётаны по каменному полу.

Охранник был не в силах сделать больше и шага. Незримая, могущественная сила удерживала его. Как и любой мужчина, столкнувшийся с таинством рождения, он не мог заставить себя приблизиться. В такие моменты кажется, что ворота, открывшиеся, чтобы впустить в мир новую жизнь, могут захлопнуться, забрав с собой того, кто не успел отскочить.

Но тут раздался пронзительный, полный негодования детский крик, и тюремщик будто пришёл в себя.

– Проклятая! – крикнул он, делая шаг вперёд. – Не хватало нам тут ещё твоего ублюдка!

Женщина, распахнув глаза, вдруг приподнялась с пола, прижимая ребёнка к груди. Она вжалась в стену, глядя на охранника безумными, горящими глазами. Этот взгляд, отчаянный и умоляющий, даже грозящий, заставил его приостановиться. Ему вдруг вспомнилась мать, далёкая картина, когда та, в муках, родила ему сестру...

– Не тронь, – прошептали губы женщины, налитые, кроваво красные от укусов. Она прижимала к себе вздрагивающего малютку.

Рассвирепев, тюремщик только открыл было рот, но тут его взгляд упал на спинку ребёнка, которая теперь была ему хорошо видна...

– Это ещё что? – проговорил он удивлённо, почти брезгливо, сощуриваясь. Женщина прикрыла дитя одеждой, продолжая сверлить мужчину горящими глазами.

«Не тронь!»

* * *

Барон сидел перед пылающим очагом, погружённый в свои мысли. Огонь приплясывал и гудел, но всё равно не мог заглушить грохота бури, разразившейся за прочными стенами. Но даже стенания стихии не могли вывести Горвея из его угрюмого, мрачного настроения. Ему не нужна была тишина. Большинству людей, чтобы спокойно сосредоточиться, нужно, чтобы вокруг было относительно спокойно, но старый барон мог погружаться в свои чёрные, словно тина вязкие мысли, даже в окружении толпы людей. Что же тут говорить о грозе?

Он, вообще то, не был старым. Это был мужчина лет сорока или может чуть больше, крепкий, величавый, словно лев, но с жестокими, холодными глазами, один взгляд которых заставлял кровь стыть. И пусть время ещё не сделало из него старика, но по тёмным его волосам уже бежали серебристые струйки седины, стекая на потускневшую бороду. Две жёсткие морщины, пролёгшие между густых бровей, никогда не сглаживались, всё его лицо было иссечено шрамами годов, хотя прожил он не так уж и много. Да, барону было около сорока, но седина, морщины, и этот страшный, пронизывающий насквозь взгляд, делали его похожим на старика, прожившего много десятилетий, пережившего всех своих родных и стерегущего свой век в одиночестве и угрюмой злобе.

Многие говорили, что будь у Горвея жена, она бы уж смогла справиться с его невыносимым характером, смирив в нём жестокость и гордыню, сделав его более терпимым и добрым правителем для города. Барон, слыша за спиной эти толки, только зло усмехался, зная, что ни одна женщина не смогла бы не то что изменить его, но даже и сама выдержать его характер! Он не женился не потому, что не хотел портить жизнь какой-нибудь молодой девушке, но потому что сам не хотел тратить время на такую ерунду. Жена? В бездну. Связать себя с какой-то семьёй, которая станет нуждаться в покровительстве? Терпеть в своём замке капризную, слабую, глупую женщину, окружённую мамками, няньками, служанками, гувернантками и ещё толпой прочих бесполезных слуг? Нет, в бездну.

Кроме неприязни к женитьбе, барон, ко всему прочему, сам по себе не выносил женщин.

«Они как глупый скот, только толку от них ещё меньше» – думал всегда он, с неприязнью глядя на дам, прогуливающих по залам на пирах и приёмах, где ему было необходимо появляться, как одному из Тридцати баронов, каждому из которых были пожалованы замок, земли и люди, чтобы управлять ими и оберегать. Любой из этих баронов мог сделаться королём, поэтому пренебрегать приёмами было никак нельзя, но слушать этот визгливый, непрекращающийся лепет, глупые разговоры и неуместный смех! Каждый раз Горвей с негодованием думал, как этих куриц вообще пускают в зал, где восседает король! Вот если сам барон Горвей сделался бы королём...

От сладостных мыслей по его губам проскользнула улыбка. О, как он мечтал об этом, должно быть, это и была его единственная мечта! Король был стар, и уже начинал выбирать себе преемника из своих Тридцати баронов. Никогда в их стране дети короля не получали престол просто по наследству, разве что они были действительно этого достойны. Лишь выслужившись, получив титул одного из Тридцати баронов, наследник мог рассчитывать на власть отца. Только так. Но среди баронов не было детей короля. Его дочери уже все вышли замуж, сын был ещё совсем ребёнком, и Горвей чувствовал, что у него есть все шансы получить желанную им власть. Никто пока не смел заговаривать об этом, но честолюбивые мысли рождались далеко не у него одного...

Барон знал, что находится среди фаворитов короля, но были там и другие кандидаты. Он испытывал жалкую беспомощность, чувство, несвойственное ему. Чтобы быть достойным власти, он решил очистить свой город от сброда, заполнив тюрьмы и темницы до отказа. Но, почему-то, в город сразу нахлынула волна оборванцев, с которой он был не в силах справиться. Проклиная всех их, Горвей казнил воров и разбойников, надеясь, что это заставит остальных убраться, но они будто объявили ему войну! То и дело до него доходили новости о новых нападениях на жителей, об ограблениях, изнасилованиях и убийствах. Разорялись фермы, вырезались целые семьи. Город и окрестности заполнили сироты, бродяги и куртизанки. Бросая на эту борьбу всю свою ярость и власть, Горвей уже начинал чувствовать, как тают его силы, как опускаются руки и как его накрывает волна беспомощности. Другие бароны уже посмеивались, глядя на его безнадёжные потуги справиться с этой бедой.

«Хороший король, который даже со своими владениями справиться не может»

Слыша усмешки, Горвей мрачнел всё больше. Если бы у него была достаточная власть или армия, он бы, после смерти короля, пошёл на других баронов войной и отбил у них трон. Но он и сам чувствовал, что неприязнь к нему объединит остальных, и его просто раздавят. Бессилие делало его мрачным, желчным и злым. Ему хотелось выплеснуть свою жестокость.

Да ко всему прочему ещё и Ночь Бури. Она не предвещала для него ничего хорошего. Восемнадцать Безбожных лет! И это ещё при жизни старого Бога его город заполнили бандиты и потаскухи! А дальше, когда некому будет отвечать на молитвы, что будет дальше? От этой мысли барон ещё больше нахмурился, вглядываясь в искристый огонь. У него в голове вдруг всплыла страшная, пугающая мысль, заставившая невольно вздрогнуть: «Это конец»

Он не сразу услышал осторожный голос слуги, в страхе остановившегося у двери. Все боялись барона, когда он был в таком настроении.

– Что? – злобно, не оборачиваясь, переспросил Горвей, досадливо кривя губы. Он не хотел никого сегодня видеть. Чертова Ночь Бури рождала в голове слишком много мыслей, и всё надо было обдумать.

– Там пришёл тюремщик, господин, – промямлил слуга.

– Зачем ещё?

– Говорит, что ему непременно нужно что-то вам сообщить. Что это очень важно.

– Почему ты не прогнал его? – барон холодно посмотрел на слугу. Тот весь озяб под этим взглядом.

– Я прогнал, но он упёрся, встал, как вкопанный, всё бормотал про проклятую ночь, проклятую бабу и вообще всё проклинал. Господин, всё, что случается в такую ночь, – он затих, голос его вдруг сломался, – всё в такую ночь может оказаться важным...

Барон устало откинулся в кресле и бросил с досадой через плечо:

– Ладно, зови его сюда.

Слуга вылетел вон. Горвей же продолжил сидеть у очага, в красках представляя, как четвертовал бы и тюремщика с его неотложным делом, и бестолкового слугу, и всех двадцать девять баронов, с их насмешками в его адрес! Будь только его воля!..

– Мой господин, – донёсся немного взволнованный, грубый голос. Горвей обернулся, взглянув на уродливого человека, сгрудившегося у двери. Весь он был будто перекошен набок, неуклюж и грязен. Барона передёрнуло от отвращения.

– Зачем ты явился? Кто позволил тебе оставить пост?

– Я, господин, ну... Знаете, – его нескладная, запинаясь речь выводила барона из себя. Из всех сил он сдерживал нарастающий гнев. Ему сейчас хотелось думать о своём, а не выслушивать лепет этого никчёмного, грязного оборванца!

– Там у нас такое дело, господин. Одна из этих, как их там, куртизанок, она, хозяйин, вроде как разрешилась.

– Что? – Горвей уже потихоньку начинал возвращаться к своим размышлениям, перестав слушать невнятный говор.

– Ну это, как бишь его там, родила дитё, – неловко переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на богатое убранство зала, ответил тюремщик. Ему, уже привыкшему к своим холодным, сырым темницам, было тут неуютно и жутковато, как уличному псу в доме. Барон же, злясь, что его отвлекают по всяким пустякам, выпалил:

– И что теперь? Утопите. И не смей больше беспокоить меня.

Тюремщик испуганно закивал, боясь гнева своего господина и начал быстро и задыхаясь бормотать:

– И правильно это, хозяйин! Очень правильно! Другие заключённые волнуются из-за криков этого ублюдка. Да и он, похоже, больной какой-то...

– Кто? – не понимая, почему этот невыносимый человек ещё здесь, зачем-то переспросил Горвей.

– Ребёнок. У него во всю спину какое-то огромное, родимое пятно. Уродливое, как шрам. Бог знает, что это может быть за зараза! Мать пыталась спрятать его, но я то успел заметить. Точно больной! Правильно, лучше уж утопить...

Но барон не стал слушать дальше его бормотание и грубый лепет. Он даже не понял, что его ум споткнулся на словах тюремщика. В его голове, словно вспышка, вдруг возникла смутная догадка. И он вдруг вцепился в эту догадку, словно коршун в добычу.

«Бог знает что».

Да быть этого не может. И эта мысль, как что-то мимолётное, как ветерок, начало нарастать в сознании. Горвей даже не следил за этой мыслью, и она кружилась в мозгу барона, завихряясь и танцуя, увлекая все остальные мысли куда-то глубоко в подсознание, где зрела идея.

Быть того не может! Сегодня ночью умер старый Бог, барон это точно знал, ведь в его город уже несколько дней назад прибыли монахи, которые собрали всех беременных женщин в Божий храм, в надежде, что сумеют узреть рождение нового Бога. Не может же быть, чтобы божественное дитя родилось у...

– Паж! – вдруг неистово взвыл Горвей, очнувшись и осознав, что тюремщик уже удалился исполнять вынесенный приговор. На несколько секунд им овладело отчаяние и ужас, вдруг его догадка верна и теперь...

Слуга, испуганный внезапным криком господина, влетел в зал.

– Давно ушёл тюремщик?! – барон вне себя даже схватил бедного человека за одежду, встряхнув изо всех сил.

– Н-нет... Он вышел только минуту назад!

– Верни его, немедленно! И вели позвать Арахта, он мне нужен, – и, облегчённо вздохнув, Горвей отпустил бедного слугу, который, не чувствуя под собой ног, помчался догонять тюремщика. Барон стал нетерпеливо мерить шагами зал. В голове молотом стучало: «Вдруг это он? Возможно ли такое?»

Конечно возможно. Всем было известно, что новый Бог может родиться у любой женщины, но поверить в то, что Бог мог родиться к темнице? Горвей не верил в совпадения или судьбу, он никогда и не надеялся, что удача может свалиться вот так, ни за что. Он не верил. До этого дня.

Напуганный ещё более прежнего, тюремщик вернулся. Барон, сверкая глазами, решительным шагом придвинулся к нему.

– Ты сказал, что у ребёнка на спине отметина?

– Да, хозяин. Во всю спину...

– Ты хорошо её разглядел?

– Нет, господин, но она, вроде как, похожа на рисунок.

– Какой?! – Горвей так вперился в несчастного глазами, что тот весь просел и попятился.

– Я не рассмотрел, клянусь, хозяин! Проклятая девка сразу укутала ублюдка в тряпье, даже не подпустила меня ближе! Она словно свихнулась!

Взор барона поплыл куда-то мимо неприятного, коричневатого лица тюремщика, заскользил по высоким сводам, устремившись на пламя в очаге. На его губах вдруг мелькнула улыбка.

– Принеси его сюда, – бросил он через плечо, подходя к огню.

Перекошенный человек замаялся.

– Но вдруг он заразный, господин? И эта чёртова ведьма мне глаза выцарапает...

– Так прибей её хорошенько! И чтобы ребёнок был у меня здесь, немедленно! – рявкнул Горвей с таким гневом, что тюремщик, вздрогнув всем телом, мгновенно исчез с глаз долой.

Барон стоял, вперившись глазами в кованую каминную решётку, когда лёгкий шорох заставил его обернуться. Как ворох сухих листьев, внеся с собой запах старости и пепла, в зал вошёл старый колдун Арахт. Его косматая, выбеленная временем голова была чуть наклонена вперёд и в сторону, отчего он постоянно глядел снизу вверх, заискивающе, даже дерзко. Светлые глаза были глубоко спрятаны в провалах глазниц, укрыты длинными, свисающими по бокам бровями. Длинную бороду он обычно, чтобы не мешала, убирал в карман мантии, которая волочилась за ним по полу, шурша. Шорох – это единственный звук, который слышался при приближении странного, пугающего слуг старика.

Магов всегда недолюбливали. Если Божьих монахов почитали, как хранителей знаний о Боге и его защитников, то колдуны были лишь теми, кому были открыты тайные, невидимые

людям потоки силы, из которых они, не скупясь, черпали энергию, чтобы превращать камень в золото, воду в вино, исцелять или наводить порчу. Поэтому, иметь в замке собственного мага, уже много веков было сомнительной и даже опасной привилегией, но барону Горвею было всё равно. Старый маг для него был исключительным кладом знаний, которыми он без зазрения совести пользовался. И если другие бароны обходили колдунов и ведьм стороной, то Горвей, пользуясь их услугами, частенько оказывался в почёте и у короля, и у прочих вельмож, просто следуя иногда наставлениям Арахта. Старик служил ещё у отца Горвея, так что барон привык к нему с детства, уже в юности перестав бояться странного, уже тогда казавшегося ветхим человека, шагов которого никогда не было слышно, лишь шуршание. Арахт жил в замке, занимался своими опытами, книгами, летописями. Он читал судьбу по звёздам и лечил болезни, хотя многие слуги барона и отказывались от его услуг, уверяя, что скорее умрут, чем подпустят к себе «старого ворона». Барон был по-своему привязан к этому человеку, хоть это было практически невозможно понять, потому что Горвей почти никогда не менялся в лице или голосе. Разве что иногда из сурового его выражение становилось преисполненным гнева.

– Ты звал меня, барон? – этот шуршащий старик был единственным из слуг Горвея, который смел называть его на «ты».

Барон отодвинулся от очага и начал медленно бродить туда-сюда по залу, словно измеряя его длину. Арахт терпеливо следил за ним глазами.

– Что говорят тебе звёзды, колдун? – произнёс Горвей немного взволнованно.

– Что грядут большие перемены, хозяин.

– Это все знают, Арахт! Ведь сегодня Ночь Бури! – досадливо возразил барон.

– Ты прав, об этих переменах известно всем, господин. Но я говорю о том, что перемены ждут тебя.

Горвей вздрогнул от довольного нетерпения.

– Какие же?

– Ты обретёшь такое могущество, о котором даже не мечтал. В своих руках ты будешь держать саму власть, саму силу! И только от тебя зависит, как этой силой воспользоваться, и сможешь ли ты получить то, о чём мечтаешь.

– И тебе это сказали звёзды? – взгляд барона сверкал молнией. Казалось, что он вот-вот не выдержит и затанцует от восторга!

– Сказали звёзды, прорычали звери, шепнули тени, бродящие по замку. Всё вокруг пульсирует от предвкушения, господин.

Сухой, шипящий голос мерно отдавался эхом от высоких стен. Горвей был в восторге. Старый маг пока подтверждал все его витающие в воздухе надежды и мечты! Осталось дожидаться, пока принесут сюда ребёнка...

– Скоро тюремщик вернётся, хозяин, не стоит так метаться, – проговорил тихо Арахт. Барон удивлённо на него взглянул.

– Недаром ты славишься своей силой, колдун! Тебе открыты все тайны.

– Не обязательно быть колдуном, чтобы заметить, как быстро помчался в подземелье охранник, – возразил старик с лукавой улыбкой.

Барон отвёл взгляд. Старик всегда находил что сказать, и так, чтобы все вокруг призадумались – с пренебрежением это сказано или с учтивой покорностью.

– Если это окажется тот ребёнок... – задумчиво произнёс Горвей. И Арахт подхватил его слова:

– Тогда всё переменится. Ты всё изменишь, хозяин.

Барон улыбался.

Несколько минут спустя за дверью послышались торопливые шаги и шёпот. Горвей нетерпеливо вскочил с кресла и метнулся было к двери, когда Арахт приостановил его жестом.

– Не торопись, хозяин.

Барон хоть и был сильно взбудоражен, всё же покорился старику, который редко оказывался неправ. Через приоткрывшуюся дверь осторожно просочился слуга.

– Снова пришёл тюремщик, господин. И принёс... Ребёнка.

– Впусти, – быстро проговорил Горвей, вперившись взглядом в тёмный провал за дверью, откуда доносились странные, причмокивающие звуки. Неуклюже в зал проковылял тюремщик. Выглядел он ещё более напуганным, сконфуженным, а, увидев ненавистного всеми мага, совсем встал и начал оторопело оглядываться. В руках он держал подёргивающийся, попискивающий свёрток.

– Подойди ближе, – прошелестел Арахт, и безобразный, испуганный человек покорно поплёлся вперёд, озираясь, как загнанный зверь. Барон не смел сдвинуться с места. Всё его существо, его взгляд, слух и мысли устремились к этому грязному, живому свёртку в руках тюремщика. От волнения, барон даже пошатнулся, и схватился за спинку кресла, чтобы не упасть. Маг бросил на него укоризненный взгляд. Не пристало господину показывать свою слабость при слугах.

– Эта ведьма меня чуть не убила, – проговорил сторбленный человечек, неловко отдавая ребёнка колдуну. – Взыла, как зверь, вцепилась в меня, пришлось позвать на подмогу. Её загнали в угол, но и там она рычала и билась, как одержимая. Видать, привязалась к этому ублю...

– Это уже не важно, – быстро произнёс Горвей, сгорая от нетерпения и раздражения. – Ты выполнил свою работу, теперь иди. Вон! – вдруг вырвалось у него неожиданно. Тюремщик вздрогнул, а грязный свёрток разразился неистовым, громким плачем, кнутом рванувшим воздух. Опустив взгляд, пятясь, охранник убрался прочь.

Барон жадно глядел на мага, который неторопливо разворачивал плачущего ребёнка. Наконец, он бросил на пол грязное тряпье, в которое тот был обёрнут, видимо, лоскут от юбки его матери. На руках Арахт держал маленькое, красное, вздрагивающее от рыданий существо. Барон всем телом подался вперёд. Ему казалось, что никогда раньше его сердце не билось так неистово, так нечеловечески быстро и зло, готовое сломать рёбра изнутри. В висках стучало, голова наливалась свинцом от детского плача, но он не чувствовал раздражения. Только нарастающее быстрее и быстрее нетерпение!

– Арахт... – не в силах больше терпеть, простонал он сдавленно. И тогда старый маг произнёс:

– Барон, запомни хорошенько этот день. Сегодня родился ребёнок, который подарит тебе славу и власть. Это дитя, рождённое в темнице куртизанкой, сделает тебя самым могущественным королём, который когда-либо правил королевством! Узи, это знак Бога!

И Арахт, подняв дитя, показал изумлённому, сразу осевшему Горвею большое, красноватое родимое пятно на спине ребёнка, которое напоминало узорчатое солнце. И барон, не чувствуя под собой ног, рухнул в кресло, закрыв лицо руками. Всё внутри него клокотало. Его догадки оказались верны! В его замке родился новый Бог! Бог, рождающийся раз в пять сотен лет родился тут, попал к нему прямо в руки! Никогда он не думал, что такое может произойти, никогда не надеялся! И вот, удача свалилась на него, небывалое, невозможное могущество! Вдруг он увидел, как сбываются все его мечты, как он становится королём, уничтожив всех остальных баронов! И от сладостных мыслей он вдруг забыл, что впереди ещё восемнадцать безбожных лет, и что сейчас он сидит в своём замке, объятый бурей.

– Я смогу покорить весь мир, – проговорил он, задыхаясь, поднимая ликующий, восторженный взгляд пронзительных глаз на мага.

– Ты станешь величайшим и сильнейшим из людей, – спокойно ответил Арахт, укутав ребёнка полой мантии.

– Я стану королём, и если понадобится, я для этого пойду войной на всех остальных баронов! – Горвей встал и начал метаться по комнате, не зная, как дать выход переполняющим

его чувствам. – Я соберу армию и сумею всех победить, потому что на моей стороне будет сам Бог!

– Да, барон. Но для начала, дитя надо будет многому обучить.

– Да, обучить. Военному искусству, владению оружием. Никаких Божьих Монахов, которые отнимут у меня этот шанс!

– Горвей, – голос мага заставил барона остановиться. – Ты должен дать ей имя.

– Ей? – немного недоумённо переспросил мужчина, подходя ближе.

– Да. Это девочка, – и Арахт отдал дитя барону, который неуклюже взял её и уставился в маленькое сморщенное личико. На большой головке пушились рыжие мягкие завитки, крохотные пальчики сжимались в кулачки. Вдруг её глаза раскрылись, и на Горвея устремился серьёзный, пронзительный взгляд. Барон смутился и умоляюще взглянул на мага.

– Я не знаю, как её назвать.

– Ты помнишь, как звали твою мать, хозяин?

– Конечно помню, – проговорил с внезапным теплом барон. – Лианна.

– Думаю, это подходящее имя.

Горвей ещё раз взглянул на ребёнка, который начал потихоньку засыпать, и улыбнулся, почти нежно. Но вдруг его лицо перекосила едкая усмешка.

– Ты подаришь мне власть, Лианна. Ты будешь дочерью, которая сделает своего отца королём!

Глава вторая. Остров в океане

Только спустя месяц, когда все божьи монахи вернулись в Главный храм, вдруг стало ясно, что в этот раз Бог был упущен. Многие считали это невозможным, ведь слишком уж тщательно велись приготовления, слишком дотошно и внимательно монахи искали всех женщин, носивших под сердцем дитя на позднем сроке. И каково же было всеобщее отчаяние, когда ни один из монахов не принёс на руках Божьего наследника! Некоторые уверяли, что Новый Бог так и не родился, что настал конец света, и это первый его ужасный знак. Но большинство всё же осознавало, что просто в этот раз момент был упущен, и ребёнок родился в неведении. Но где? Как его отыскать?

На поиски были отправлены сотни и тысячи гонцов, которые обыскивали все захудалые деревеньки, цыганские таборы и стоянки бродяг, тщательно разыскивая драгоценное дитя. Было найдено множество детей, которые родились в Ночь Бури, но все они были рождены людьми. Бога же нигде не было.

Барон Горвей выделил на поиски как можно больше своих людей, чтобы отвести от себя подозрение. Он даже лично объехал свои владения, дабы показать, как сильно он встревожен и изумлён подобным происшествием! И везде ему приходилось сдерживать злую, победоносную улыбку, находился ли он в зале короля, стоял ли в толпе переговаривающихся, обеспокоенных баронов или монахов, причитающих и испуганных. Нет, нужно было держать себя в руках во что бы то ни стало! Стоило лишь раз широко улыбнуться, внимательные, злые глаза сразу это заметят!

И Горвей сдерживался, позволяя себе неистово радоваться, только когда оставался наедине с собой. С каждым днём его мечты и чаяния только крепились, наливались, словно зрели под ласковыми лучами нового взошедшего для него одного солнца. Никто не догадывался, что Новый Бог, тщательно скрытый от посторонних глаз, находится в замке Горвея.

Маленькая Лианна была здоровой и крепкой девочкой. Для неё взяли кормилицу, настрого запретив ей распелёнывать малышку, чья опасная для чужих глаз метка теперь была спрятана чистой, мягкой пелёнкой. Горвей вообще не подпускал бы к Лианне никого кроме

старика Арахта, если бы её не нужно было кормить. Маг сам заботился о новорождённой, испытывая радость из-за оказанной ему чести, ведь в его руках была жизнь Нового Бога! Барон догадывался в глубине души, что колдун, наверняка чувствовал в девочке скрытую силу, которой, возможно, даже питался, но ничего не говорил. Ребёнок был здоров, не хворал и не чах, значит нечего и беспокоиться, даже если Арахт использует её Божественную искру.

Сам Горвей мало принимал участие в её жизни. Барон объезжал свои земли, притворяясь, что тщательно разыскивает Бога, находился при дворе короля. Но однажды, когда он вернулся в свой замок, после почти месячного отсутствия, его встретил нахмуренный Арахт.

– Хозяин, – начал маг, стоя в стороне, пока Горвей обедал в одиночестве, – слуги беспокоятся.

– О чём ты?

– Они слышат детский плач и лепет, суют нос куда не следует. В городе скоро пойдут толки о том, что в замке ты скрываешь ребёнка.

– А ты не можешь сделать так, чтобы она была тише? – раздражённо спросил барон, пригубив кубок с вином.

– Это ребёнок, господин.

– Я знаю, что ребёнок! Если не пускать слуг в восточное крыло, если она будет там жить, изолированно от всех, это сойдёт?

– Разве ты хочешь вырастить зверя, а не человека?

– Что ты несёшь, Арахт? – Горвей был явно не в настроении. Его последний визит к королю кончился не очень удачно: один из баронов перед всеми выставил Горвея лукавым гордецом, делающим всё из своей выгоды. На эту открытую насмешку он не мог ответить ничем, кроме злобного взгляда. Ещё не хватало теперь голову ломать из-за ребёнка...

– Ты забыл, что это не простой ребёнок, хозяин? Если ты запрёшь её, какой Бог будет у этого мира? Никчёмный, слабый, калека. Ей нужна воля, воздух. Нужно место, где она сможет жить и учиться, где познает свой мир, но где будет в безопасности. И ещё ей нужен ты, Горвей.

– Что?! – изумился барон.

– Ей нужен отец. Если ты хочешь, чтобы новый Бог был предан тебе, чтобы был на твоей стороне – ты должен заслужить это. Она не станет тебя уважать и любить просто так. Стань её учителем, стань примером, будь отцом.

Горвей хмуро молчал. В его планы это не входило... Возиться с ребёнком, учить его. Нет, барон никогда не хотел иметь детей. Когда-то у него был младший брат, единственный человек, которого он любил по-настоящему. Но с тех пор утекло много воды, и больше никто не вызывал в замершем сердце барона подобных чувств. Никто. И эта девочка тоже пока не вызывала у него никаких эмоций.

– Это точно нужно? – спросил барон с досадой, рассматривая серебряный нож, зажатый в его ладони.

– Это твоё решение, хозяин.

Горвей вздохнул.

Через неделю они собрались в путь. Уложив вещи на повозки, Горвей, старый Арахт, кормилица с малышкой Лией на руках, некоторые слуги, которых лично выбрал маг, и стража, отправились в путь, лежавший почти через все земли барона. Их провожали удивлённые, но скорее облегчённые взгляды людей. Суровый барон уезжал!

Почти на самой границе своих владений, в море, у Горвея был замок. Эти мрачные, суровые, готовые к осаде стены были возведены на острове, далеко от материка. Чтобы добраться до него, нужно было пять дней плыть по бурным, изменчивым водам моря. Туда то барон и решил перевезти свою дочь.

Рядом с замком раскинулась крохотная деревушка, где в основном жили огородники, ремесленники да слуги, работающие в замке. Все они были такими тихими и робкими, так

редко видели людей, что приезд хозяина немало их напугал и всполошил. Заметив на горизонте корабль со знаменем барона – чёрным вороном, несущим в когтях змею, они мгновенно начали готовить замок к приёму гостей. Были затоплены камины, с запылившейся мебели снимали простыни, убирали комнаты. По старой памяти, ведь барон иногда приезжал сюда охотиться на оленей, слуги приготовили лишь несколько комнат, но, когда явился паж хозяина и велел передать, чтобы убирали весь замок, они впали едва ли не в отчаяние. Неужели жестокий господин явился сюда не на двухнедельную охоту? Что если он останется? Слуг ждало глубокое, страшное разочарование.

Остров встретил своего хозяина бурным шёпотом. Уставший от качки, барон с благоговением оглядывал каменистую бухту, куда направлялось их судно. Ветер скулил в скалах, крики чаек, кружащих над сушащимися рыбачьими сетями, разносился далеко по морской глади. Пушистые волны, беспокоясь, накатывали на каменистый берег, омывая зелёные и серые, покрытые водорослями камни. К запаху моря примешался далёкий дух костров и пищи. У Горвея в животе что-то свернулось в узел. Ему не хотелось признаваться ни себе ни другим, что недолгое морское путешествие подкосила его. На еду он смотрел с отвращением, боясь, как бы она не попросилась у него наружу, поэтому совсем воздерживался от пищи.

Пока они огибали остров, чтобы войти в бухту, барон успел хорошенько рассмотреть и вспомнить свои владения, которые уже давно не посещал. Кое-где скалистые берега так вздымались вверх над водой, что было едва видно деревья, гнездящиеся на самой вершине. Густые леса, лоснящиеся высокими соснами, могучими дубами и елями, худенькими берёзками и лиственницами, кое-где сменялись долинами, по которым бежали быстрые речки, узкие и холодные, словно ручьи. Остров был не таким уж и маленьким, за один день его было бы сложно обойти, но резвый конь смог бы обогнуть его и в половину этого срока.

Наконец, когда корабль вошёл в бухту и заскользил по спокойной водной глади, Горвей увидел и свой дом, тот, где он родился и вырос. Старый замок возвышался на скале, стрельчатыми окнами устремляясь к морю, глядя на него, словно хищная, горделивая птица, сторожащая утёс. Фундамент его давно покрыла зелень, потому что в дни самых сильных штормов удары волн достигали самых стен, и они всегда были влажными. Четыре строгие, высокие башни были устремлены каждая к своей стороне света, будто следя десятками пустых оконниц за морской гладью, не появится ли кто на горизонте.

Когда Горвей родился, этот остров и замок – это было единственное, чем владел его отец. Их род был старинным и знатным, но всё, что у них осталось за долгие годы – это обветшалый, но крепко держащийся за скалу замок, да бедствующий остров. Отец Горвея, Лейган Серая Чайка, обнищавший и озлобившейся, погряз в долгах и разврате. Его жена и сыновья ежечасно подвергались грубому, жестокому обращению и побоям, но были не в силах ничего с этим поделать. Когда же отец, наконец, к великому счастью Горвея скончался, сын сам стал управлять замком, сменив ненавистный герб их дома, серую чайку, на чёрного ворона, несущего в когтях змею. С этого дня Горвей Змееносец решил, что добьётся такой власти и могущества, что никто и не посмеет больше напоминать ему о его деспотичном, развратном отце, погубившем всех, кого барон когда-либо любил...

На берегу протрубил рог.

– Они ждут нас, – проговорил тихо Арахт, вставая рядом с господином.

– Я всегда ненавидел это место, – произнёс Горвей задумчиво, оглядываясь кругом. Всё было до боли знакомо. – Я сбежал отсюда, как только у меня появился другой замок. И вот я вновь возвращаюсь сюда, но уже для того, чтобы воспитать здесь дочь, которая станет Богом. Что если этот остров проклят, и она будет так же несчастна, как и я?

– Ты – не твой отец. И ты преследуешь другую цель.

Барон удивлённо посмотрел на мага. Тот сурово взглянул на господина из-под косматых бровей.

– Тебе нужно, чтобы она стала сильной, а не счастливой. Твоя цель требует этого, господин.

Барон кивнул, устремив бессмысленный взгляд на берег, где собирались люди. Родной остров приветствовал его непогодой. Сквозь собирающуюся пелену дождя Горвей видел, как на воду спускают лёгкие лодки, как они скользят по воде, взмахивая вёслами, словно крыльями. Горвей поискал глазами кормилицу. Та осторожно выглянула из каюты, держа закутанную, спящую девочку на руках. Барон смущённо отвёл взгляд. По крайней мере, здесь не придётся её запирать...

* * *

– Они не в восторге, что я вернулся, – заметил с усмешкой Горвей, когда они с магом остались одни. Библиотека была тускло освещена горящими лампами и камином, жадно пожирающим поленья. Всё здесь выглядело пыльным и старым. И мёртвым.

– Они боятся тебя, господин, – без особого участия ответил Арахт.

Барон скривился в усмешке, вспомнив понурые, скорбные взгляды людей, провожающие его от берега до самых ворот замка. Шёл дождь. Усадив кормилицу с Лианной в крытый экипаж, Горвей сел верхом на гнедого коня, и, окружённая стражей, их процессия двинулась вверх по дороге, ведущей к замку. Под копытами лошадей хлюпала грязь. Сзади оставались грязные, маленькие домишки, из которых вились тонкие струйки дыма. Добрый плащ барона, подбитый мехом, уже давно промок, и Горвей мечтал о пылающем очаге. Арахт решил ехать в экипаже.

Оглядываясь вокруг, барон со смесью тепла и боли вспоминал это место. Рыбачьи сети, раскинутые на берегу, разномастные лодочки, разбитая, изрытая колёсами дорога. Деревушка встретила его толпами молчаливых, угрюмых людей, глазающих на хозяина и на повозку, в которой то и дело мелькало лицо женщины. Никаких криков приветствия, никаких возгласов. Ни звука. Все встречали Горвея Змееносца с немой ненавистью. Пусть он и не пустился по стопам отца, отдал все долги, не распутствовал и не пьянствовал. Всё же, люди не любили его, видя, с какой бесчеловечной жестокостью он расправляется с преступниками и провинившимися слугами. Ни один человек ни разу не был удостоен его похвалы. Народ чувствовал, что этот новоиспечённый барон, всё же кровь от крови Лейгана Серая Чайка, жестокого, развратного зверя, в облике человека.

Когда за ними закрылись решётчатые ворота, Горвей вдруг почувствовал облегчение. Нет, этим людям придётся смириться с его присутствием здесь! Иначе им не поздоровится.

– Лучше пусть боятся, чем презирают, – проговорил барон. – Когда-нибудь я стану их королём.

– Да, станешь. Но впереди ещё много лет упорных трудов. Где девочка?

– Не знаю. Кажется, кормилица с ней, – Горвей раздражённо поморщился. Как только они приехали в замок, Лианна разразилась громогласным рёвом, который никак не смолкал. Барону пришлось удалиться её как можно дальше от своих покоев, чтобы этот звон затих в его ушах. Всё-таки, он не выносил детей.

– Ты меня совершенно не слушаешь, господин, – угрюмо проговорил Арахт. – Ты должен заняться её воспитанием, не кормилица, не слуги, и не я!

– Не вижу в этом такой необходимости. Я рос без влияния своего отца. Более того, если бы эта скотина приложила руку к моему воспитанию, я бы, скорее всего, впал бы в то же ничтожество, что и он! – губы барона ненавистно скривились. – И ведь видишь, чего я достиг без него! Каждый сам куёт свою судьбу и характер, Арахт.

– Это верно, – заметил маг, – но скажи, что ты сделал, как только умер твой ненавистный родитель?

– Я стёр его имя из всех летописей и книг, из всех записей. Предал его забвению, – с окаменевшим лицом проговорил Горвей, взглянув на пустую стену над камином. Светлый квадрат на камнях говорил, что раньше там век за веком висели портреты.

– Каждый куёт свою судьбу, – повторил Арахт. – Но это ты и должен сделать. Твоя судьба – это девочка с отметиной на спине. Запомни это, если хочешь стать королём.

Барон, не поворачиваясь, медленно кивнул. Маг вскоре удалился.

Горвей долгое время оставался без движения, погружённый в какие-то внутренние, тягучие, как смола раздумья. Его голова отяжелела от долгого путешествия, от крика Лианны, холода и сырой погоды. И эти покои, такие родные и угрюмые, совсем не радовали его. Со стены над камином на него бессмысленно глядела пустота. Там, на протяжении веков висели портреты их предков. Глава семьи всегда наблюдал с этого места, будто следя за порядком. И в детстве, Горвей частенько был вынужден стоять в этой комнате, с ужасом ожидая отца, который принесёт с собой отчаяние и наказание. Мальчик был не в силах пошевелиться, потому что, даже когда отца и не было в комнате, его портрет, тёмный, страшный, всё равно сверлил его пронзительным взглядом, сулящим страдание.

Когда отец его умер, барон не позволил послать за живописцем, чтобы повесить на стену свой портрет. В своей дикой жажде уничтожить всё, что могло бы напоминать об Лейгане, Горвей сорвал картину со стены и в звериной радости разорвал его голыми руками на тысячу маленьких кусочков. И он не собирался продолжать традицию своего отца, потому что отрёкся от его имени. Никогда его портрет не будет висеть здесь, потому что этот замок не останется навсегда единственным его владением! Он достигнет большего, он покорит мир, он получит власть! Он станет королём.

Резко вздрогнув, Горвей вдруг очнулся. Он и не заметил, как сон сморил его. Барон сидел в своём кресле, видимо, перед этим он о чём-то размышлял. В голове неприятно саднило. Потерев переносицу, он попытался вспомнить, что же ему снилось, но ниточка сновидения, которая, казалось, попала к нему, вдруг лопнула и растворилась, когда до слуха барона донёсся детский плач. Видимо этот звук и разбудил его.

– Проклятье, – ругнулся он, поднимаясь и разгибая затёкшую спину. Да, его возраст уже не тот, чтобы спать где попало, пренебрегая мягкой постелью. Ему стоило бы отправиться спать в свои покои, но раздражающий, неумолкающий плач сводил с ума.

Выругавшись уже менее сдержанно, Горвей двинулся по сумрачным коридорам на нарастающий детский рёв. У раскрытых дверей в крыло, где он позволил разместиться кормилице с Лией, он приостановился и украдкой заглянул внутрь. Сам не понимая почему, он вдруг решил проследить, достаточно ли внимательно и осторожно кормилица обращается с девочкой. Красивая полная Герда ходила взад и вперёд по тускло освещённой комнате, прижимая к себе ревущего ребёнка, стараясь укачать его. Её светлые волосы растрепались, под глазами виднелись синяки. Выглядела она сильно измотанной. Девочка продолжала кричать, надрывая свои маленькие, но громогласные лёгкие. Горвей бесшумно вошёл. Когда кормилица заметила его, она в страхе замерла, вытаращив глаза. Видимо, это было как раз то, чего она боялась.

– Хозяин, – пробормотала она, уложив девочку в колыбель, откуда донеслась новая разъярённая волна рёва. – Господин, она побеспокоила вас?

– Да, побеспокоила, – процедил барон, стараясь не глядеть на красивую кормилицу, чья обширная грудь бесстыдно колыхалась от тяжёлого дыхания. – Неужели нельзя было её успокоить?

– У малышки небольшой жар, – начала тараторить она, стараясь справиться со страхом. – Я покормила её, но она никак не успокаивается.

– Что же ты не послала за Арахтом?! – барон начал чувствовать гнев, kloкочущий где-то глубоко внутри. Несмолкаемый плач и лепет этой женщины выводили его из себя.

– Боже упаси! – начала бормотать Герда. – Чтобы подпускать к детю колдуна?! Нет, я молитву прочла, от порчи и сглаза. Что вы, хозяин, мало я таких деток выходила что ли?

Но, увидев горящий взгляд Горвея, она вдруг умолкла.

– Дура! – закричал он вдруг вне себя. – Идиотка! Проклятая баба! Молитву ты прочла?! Идёт первый безбожный год, кому ты читала свои молитвы?! Несносная женщина, хочешь загубить ребёнка? Иди сейчас же за Арахтом, пока я не велел высечь тебя как следует!

Ей вслед ещё летели ругательства, когда Герда выскочила из комнаты и помчалась разыскивать мага, молясь, чтобы её после этого не порол. А у Горвея руки тряслись от гнева. Он вдруг понял, что его мысли, относительно глупости женщин не были обосновательны. Напуганная Лианна заревела с новой силой. Немного поостыв, барон подошёл к колыбели. Покрасневшее от слёз, перекошенное лицо младенца заставило его поморщиться. Он никогда не питал иллюзий по поводу красоты новорождённых, в чём вновь убедился. Большая голова была безобразно непропорциональна к телу, короткие ручки и ножки выглядели словно кочерыжки. Красная, всклокоченная, орущая девчонка могла бы показаться детёнышем какого-то зверя, если бы Горвей не знал, что это будущий Бог. Чтобы на всякий случай убедиться в этом, он перевернул её, поглядев на метку, расплзшуюся по спине. Большое солнце, испещрённое узором. Лиа закричала от негодования и гнева. Вдруг барону стало жаль её.

– Ну что ты, тише, – постарался как можно спокойнее и величественнее произнести он, помня, к кому обращается. Ответом ему послужил новый приступ детской ярости. Не зная, что делать, Горвей немного покачал колыбель, но, поняв, что это не помогает, а, кажется, только усугубляет дело, он неловко поднял Лианну на руки и попробовал успокоить.

– Тише, тише, – повторял он, медленно бродя по комнате, от стены к стене, слегка покачивая ребёнка. Странно, но постепенно она начала успокаиваться, сменив крик и рёв на короткие, нервные всхлипывания. Барон не понимал, что же заставило её замолчать, но улыбнулся. Ему показалось, что сердце его начало наполнять тепло, поднимающееся изнутри. Теперь он глядел на пушистые рыжие волосы и успокоившееся лицо девочки без прежнего отвращения. Ему вспомнилось лицо его брата, с тёмно-серыми глазами и чёрными волосами, как его собственные, так близко от лица его матери, улыбающейся, на минуту счастливой. Барон улыбнулся. Его брат и мать были светлым воспоминанием его детства. Но и оно походило на одно короткое мгновение, так быстро их у него отняли.

Лицо его вдруг омрачилось.

– Ты не будешь похожа на моих мать и брата. Ради тебя же самой. Ты станешь самым сильным Богом, который когда-либо существовал! Не волнуйся, я сделаю тебя сильной.

Девочка причмокнула во сне губами. Навряд ли она услышала обещание отца.

Дверь тихонько скрипнула.

– Господин, – произнёс Арахт, на вопросительный взгляд хозяина, когда Горвей обернулся.

– У неё небольшой жар, посмотри, – сказал барон, смутившись, отдавая девочку в руки магу. Сам он задержался у двери на несколько секунд, обернувшись, но потом решительным шагом вышел прочь. От смешанного чувства ему было не по себе.

Глава третья. Безбожные годы

Годы сменяли друг друга с обычной неспешностью, хотя барону казалось, время замедлилось, или даже остановилось. Раньше, когда он говорил себе, что ждать осталось каких-то восемнадцать лет, ему становилось легко и торжественно на душе. Теперь же эта цифра мая-

чила перед ним, как насмешка. Восемнадцать лет! Прошёл год, а Лианна только и научилась кое-как держаться на ногах! Горвей частенько поднимал голову на неверный топот детских ножек в коридорах, смех и лепет, беспокойные оклики кормилицы. Активная, весёлая девочка везде совала свой нос, всё хватала, щупала, кусала, разглядывала, пыталась сломать. Барон только и удивлялся, откуда у неё столько энергии?

Иногда он сам заходил в её комнату, садился в сторонке, наблюдая, как кормилица возится с Лией. Дочь сама подходила к нему, глядя голубыми, добрыми глазами. Горвей почти никогда с ней не возился, только в особо хорошем настроении. Большую часть времени он пропадал на охоте, гоняя свору по зелёным холмам. А так же в деревне, где решил навести порядок. Объехав все дома и фермы, он понял, что многие нуждаются в ремонте, потому послал корабль за материалами. В замке он велел залатать пробоины в стенах, привести в порядок конюшни и оружейную. Двор убрали, вывезли весь сор, скопившейся за годы запустения. Постепенно замок оживал, хоть и продолжал выглядеть заброшенным. Он был слишком велик для крохотной семьи и нескольких слуг.

– Я отправлюсь ко двору короля, – однажды известил Арахта барон. – Несмотря на то, что я собираюсь получить трон с помощью Нового Бога, мне всё ещё нужно появляться там, пока я один из Тридцати Баронов.

– Мудрое решение, господин. Но не забывай, где ты действительно нужен!

Горвей поморщился. Он не признавался магу, на самом деле ему совершенно не хотелось уезжать с острова и от дочери. Им вдруг всё чаще стало овладевать беспокойство, как бы с ней ничего не случилось в его отсутствие. Кроме кормилицы он приставил к ней ещё двух служанок, но всё равно никогда не мог быть до конца спокоен.

– Смотри за девочкой, – сказал он колдуну, глядя в сторону.

– Не волнуйся, господин. Я позабочусь о ней.

Горвей с тяжёлым сердцем покинул остров.

На материке было беспокойно. Безбожный год тяжело сказался на людях, а незнание, где же находятся Новый Бог – приводило их в отчаяние. Начавшийся раньше срока голод уже косил бедное население, заставляя лордов страшиться набегов бандитов на свои поля. Лишённые надежды и божества, люди творили безумные поступки.

Король был обеспокоен. Он призывал своих баронов пустить все силы на поиски пропавшего Бога, но в ускользающих, опущенных взглядах встречал только извинение и грусть. Они боялись. Баронам было страшно далеко отпускать своих воинов, так как города постоянно нуждались в защите и охране. К тому же, мало кто питал надежду на то, что Бог найдётся. Горвей молча стоял в стороне, стараясь не привлекать к себе внимания. Ему не нужны были лишние толки, ведь, начни он громогласно клясться, что отыщет Бога – на него могут пасть подозрения. О его переезде на отцовский остров никто ничего не сказал, хотя Горвей знал, что многие бароны в глубине души и осуждали его, видя в этом побег, и одновременно радовались, что один из самых сильных их противников как будто сдался. О, если бы они только знали, насколько ошибаются!

Как ни странно, именно в это беспокойное время большинство воров и разбойников покинули владения Горвея! Боялись ли они гнева барона, или же надеялись найти наживу в другом месте, не известно. Но барон воспринял эту новость, как хороший знак. Будто Божественная благодать уже была с ним.

Проведя при дворе около трёх месяцев, услышав все новые толки, разузнав новости и настроения, Горвей, объехав ещё раз свои земли, потратив на это ещё около четырёх месяцев, и вернулся домой. С собой он привёз ещё больше слуг, свой личный отряд воинов, лошадей, вина и припасов, чтобы спокойно пережить зиму. Лианна, только увидев отца, кинулась ему навстречу.

Горвей изумлённо наблюдал, как через грязный двор к нему бежит розовощёкая малышка, резво перебирая ногами и протягивая руки. Они только въехали в замок, миновав подвесной мост. За лошадью барона и его слугами тянулась длинная вереница повозок, нагруженных вещами, и пешие воины, каждый из которых нёс на плече копьё. Дворовые высыпали встретить хозяина.

Лианна, вырвавшись из рук кормилицы, бежала, то и дело поскальзываясь на липкой грязи, пачкая платье. Но счастью её не было предела. Горвей только и успел остановить лошадь, когда девочка подлетела к нему, сияя улыбкой. Конь захрапел, опасливо косясь на маленькое существо, снующее у него под ногами. На секунду барон почувствовал жгучий ужас, когда ему показалось, что злой скакун затоптал Лианну, но тут она снова выскочила из-под брюха лошади, глядя вверх и смеясь.

– Папа! – повторила она несколько раз восторженно. Чувствуя смятение от пережитого испуга, Горвей раздражённо крикнул: «Уйди с дороги!»

Подбежала нянька.

– Никчёмная баба! – злой голос барона эхом прокатился по стенам крепости. – Тебе разве не было сказано следить за ней?!

Бледнее молока, женщина схватила расхныкавшуюся Лию на руки. Сдерживая новую волну гнева, Горвей прищепил коня, даже не обернувшись на зовущую его дочь. Чувство досады не отпускало его. Пока двор наводняли люди, разбирая кладь с повозок, барон отдал лошадь конюху, а сам, мешая грязь сапогами, направился в замок.

С Лианной он увиделся только через несколько часов. После обеда он велел привести её. Переодетая, умытая, в сопровождении другой служанки, она появилась на пороге его покоев, словно маленькая леди. Но, уже успев забыть страх перед отцом, она тут же бросилась к нему. Горвей остался спокойно стоять, разглядывая её. Рыжие волосы пушились, падая на круглое хорошенькое личико. Барон изумлённо глядел, как расплываются в улыбке её губы.

– Папа, – пропищала она. Горвей был потрясён. Его так ещё никто не называл, ещё ни один ребёнок не обнимал его колени, так страстно желая внимания! Но барон не смог позволить себе сантиментов.

– Здравствуй, Лианна. – Сухой его голос напоминал скорее скрежет камней, чем приветствие отца. – Девочка здорова? – обратился он к служанке, замершей у двери.

– Да, господин. Она здоровая и крепкая. И для своего возраста она очень развита.

– Прекрасно, – не зная, что ещё сказать, барон опустил руку на макушку ребёнка. Лия залепетала что-то, улыбаясь. Возможно, в какой-то момент ему и хотелось обнять дочь, поцеловать её, сказать ей что-нибудь ласковое и нежное. Но это мгновение, если оно и было, он упустил.

– Сообщайте мне о её здоровье, – произнёс он, решительным шагом направляясь прочь. Комната показалась длинной, как никогда, но ни встревоженный и хнычущий лепет, ни всхлипывания дочери не смогли заставить Горвея остановиться. «Ты хочешь вырастить Бога войны, а не дочь» – повторял он себе раз за разом, чувствуя, как в груди что-то каменеет.

* * *

Когда Лианне исполнилось пять лет кормилица и няньки были ей больше не нужны. Горвей не собирался делать из неё юную изнеженную леди, поэтому, поощряя её буйные игры с дворовыми мальчишками, драки и шалости, он позволил ей расти, словно сильному сорняку. Ей оставили только одну служанку, но остальной круг её общения составляли конюхи и псары, повара и слуги, оборванные ребяташки, стражники и старый Арахт, который превратился в её

наставника. Она была ещё слишком мала, чтобы начинать серьёзное обучение, но именно от колдуна она узнавала большинство историй и преданий об окружающем её мире. Но он был невелик.

Весь замок от подземелий до чердаков и башен был ею исследован, обыскан и облазан. Не было ни единой щели, в которую она бы не забралась, ни одного тёмного угла, откуда бы её не пытались вытащить. Однажды она даже провалилась в колодец, но мужественно сохраняла спокойствие, пока сын конюха бегал за подмогой, а потом помогал её оттуда извлекать. Лианна молчала всё время, и расплакалась только тогда, когда её вызволили, и она увидела отца, стоящего в нескольких метрах, глядящего на неё с холодным разочарованием. Она была с ног до головы покрыта грязью и илом, промокла, дрожала от холода. Жалкая и босая, она сцепила руки, уставилась в землю, и только тогда горячие слёзы покатились по её щекам. Страшные стыд и чувство унижения накрыли её так сильно, что она даже не заметила смертельной бледности на лице Горвея. Дочери он ничего не сказал, как и она ему.

Лианна почти не видела других детей. Сын конюха, поварята, несколько служек – всё это были мальчишки, которые постоянно были заняты какой-то работой. В деревню её выводили очень редко, и то ей позволялось только смотреть из окон кареты, когда они ехали по широкой улице. Лия высовывалась из окошка вместе с плечами, едва не выпадая.

– Я хочу погулять по деревне! – просила она Арахта, который всегда сопровождал её. – Я вижу там других детей! Можно мне с ними поиграть?

– Нет, Лианна. Ты должна смотреть на них только из повозки. И не пытайся с ними заговорить.

– Почему, учитель?

– Не к чему тебе разговаривать с крестьянами, девочка. Они грубы и неотесанны, они могут причинить тебе вред. Запомни, они твои слуги, а не друзья.

– Тогда я прикажу им не обижать меня и немного поиграть!

– Когда ты станешь старше, ты поймёшь. А сейчас не высовывайся. Сохраняй достоинство, не то твой отец рассердится.

Тут Лианна всегда садилась и замолкала, страхась вновь увидеть разочарование в глазах отца. Она не боялась боли или наказания, не боялась того, что её запрут на весь день в её покоях, не боялась лишиться ужина. Нет, одно единственное могло повергнуть её в ужас – гневный, ледяной взгляд барона, который прожигал её насквозь. Всеми силами Лия старалась быть хорошей дочерью, но почему-то отец всегда был недоволен ею. Он никогда её не хвалил, если она хорошо выучивала урок, если одевалась опрятно, начисто отмывала руки и была вежлива за столом. Он всегда лишь отводил взгляд и холодно говорил: «Молодец», но Лия не чувствовала в этом слове никакой похвалы.

Барон велел всем своим слугам обращаться с Лией как со своей госпожой. Никто не холил и не баловал её, но все беспрекословно подчинялись. Подражая отцу, девочка, вскоре, научилась приказывать, требуя полного исполнения своих желаний. И только отец и Арахт контролировали её прихоти, указывая, чего она может добиться от слуг, а о чём стоит и забыть. Она во всём подражала отцу, копируя его безжалостное отношение к провинившимся, холодное и презрительное к подчинённым, безучастное к редким гостям. А когда Лианне исполнилось семь лет, отец привёз ей с материка два подарка.

Горвей прибыл поздно ночью, когда всё вокруг заливал дождь, размывая дороги, бушующим потоком скатываясь со скалы. Промокнув до нитки, он, обогнав слуг на лихом коне, разбрызгивая грязь, влетел в ворота замка. Факелы мерцали сквозь пелену воды. Скинув плащ, с которого стекала вода, барон вошёл через тяжёлые двери в башню. Помогая ему раздеться, паж проговорил опасливо:

– Хозяин, ваша дочь ждёт вас в главном зале.

– В такой поздний час? – немного удивился Горвей, ведь был уже второй час ночи.

– Да, господин. Она отказалась идти спать, пока не увидится с вами.

– Вот упрямая девчонка, – проворчал барон, скрывая удовлетворённую улыбку от пажа. – Хорошо, я сейчас приду.

Надев сухую одежду и выпив горячего вина с имбирём, Горвей неторопливо двинулся к залу. Все факелы там остались гореть, должно быть Лианна приказала не гасить их. Камин пылал. Девочка, услышав шаги отца, вскочила со стула, зажав в руках книгу. Специально для барона она надела своё темное, красивое платье, хотя обычно носила штаны и рубашку с кафтаном поверх, как и все здешние мальчишки, потому что в них было удобнее бегать и заниматься фехтованием. Ещё год назад отец велел капитану стражи начать давать девочке уроки, и она неплохо справлялась. Волосы её сейчас были убраны служанкой в красивую причёску. Она поклонилась вошедшему барону.

– Отец, я рада, что ты так скоро вернулся, – проговорила она, стараясь скрыть волнение. Горвей, наклонившись, поцеловал дочь в лоб и сделал шаг назад, чтобы хорошенько её рассмотреть. Маленькая, остроносая, огненно рыжая, она глядела на него голубыми льдинками глаз, охваченных тёмными ресницами. Костяшки пальцев побелели, сжимая переплёт старой книжки.

– Почему ты не в постели? – строго спросил барон.

– Я так хотела увидеть тебя, отец!

– Ты могла бы увидаться со мной завтра. Никто не позволял тебе ложиться так поздно.

Она опустила взгляд, подёрнувшийся влагой, закусил губу. Горвей почувствовал жалость и неловко кашлянул.

– Ладно. В следующий раз не придумывай всякие глупости.

– Хорошо, отец.

Она молчала, боясь вновь зажечь угасший было гнев. Барон прошёл и сел к камину, указав дочери на стул напротив. Она присела на краешек, словно вместо подушки там были иголки.

– Как твои занятия по фехтованию?

– Мастер Торос говорит, что у меня начинает получаться, – вышколено начала говорить она. – Я тренируюсь каждый день, делаю упражнения и зарядку, Торос гоняет меня по двору, так, что к концу урока я едва стою на ногах.

– Если ты не будешь достаточно сильной, ты не сможешь стать хорошим бойцом, – сурово заметил барон, видимо и сам забывая, что перед ним дочь, а не сын. Но ведь Лианна не знала, как в других семьях воспитывают девочек. Она была уверена, что так и должно быть. Ведь так говорил барон.

– Да, отец, конечно. Поэтому я очень старательна. И Торос учит меня стрелять из лука.

– Неужели?

– Да, и у меня получается лучше, чем у Сэмми и у Лукаса. Они даже тетиву натянуть нормально не могут! – заносчиво проговорила она, выпрямляя спину.

– Это сын конюха и служка? – спросил строго Горвей. Лианна прикусила язык. – Я велел тебе не водиться с ними. Они тебе не ровня, и друзьями тебе быть не могут. Они слуги.

– Я знаю, отец! Я и не дружу с ними. Просто они попросили немного пострелять из лука, вот и всё. Я и позволила.

– Ты обещала мне, Лианна. – Его голос, твёрдый как камень, заставил сердце дочери сжаться от страха.

– Это больше не повторится, отец...

Горвей смерил её долгим взглядом и попытался смягчить голос.

– Я понимаю, что тебе хочется играть с другими детьми. Но ты ведь знаешь, кто ты.

– Да, – пробормотала она.

– Ты знаешь, что они всего лишь слуги, что их дело подчиняться, а тебе быть им госпожой.

– Да, отец.

– И ты знаешь, почему ты должна научиться повелевать. Тебя ждёт твоя миссия, ты готовишься к ней.

– Да, я должна стать Новым Богом, – стараясь выпрямиться и говорить твёрдо, ответила она. Горвей удовлетворённо кивнул. Арахт долгие дни рассказывал Лианне о её судьбе, о её предназначении, об отметине на её спине, которую нужно было от всех скрывать. Она знала всё. И чувствовала, как отец ждал от неё великих свершений.

– Я рад, что ты это понимаешь, Лианна. – Горвей хотел было подбодрить её, но промолчал. – И, чтобы тебе было не так скучно, я привёз тебе подарок.

– Правда? – её взгляд жадно загорелся. Барон окликнул пажа, и тот ввёл в зал человек десять детей, от шести до девяти лет. Это было несколько мальчиков и две девочки, сносно одетых, перепуганных, заспанных. Некоторые выглядели худыми и осунувшимися, с впалыми щеками и глубоко провалившимися глазами. Все беспокойно озирались, глядя на огромные стены зала и высокие потолки, увешанные флагами, щитами, шкурами и головами животных.

Лианна вначале жадно глядела на толпу детей, нервно волнуясь, неловко ступающую по покрытому соломой полу, а потом удивлённо уставилась на отца.

– Этих детей я привёз тебе, чтобы они могли составить тебе компанию. Все они станут пажами и слугами, но с ними ты можешь играть, я позволяю. Каждый из них будет обращаться к тебе, как к госпоже.

Переводя взгляд с отца на толпу детей, Лианна вдруг вскочила, уронив книгу на пол. В глазах её зажёгся восторг, но она осадилась, вспомнив, что на неё смотрит отец, и проговорила:

– Спасибо! Это замечательный подарок.

Она стала рассматривать своих новых приятелей. Они стояли толпой, глядели исподлобья, словно загнанные зверьки. Лианна обошла их по кругу, стараясь всмотреться во все лица, но все опускали взгляд, смотрели в пол и на свои ноги.

Горвей оставался сидеть у камина, глядя, как дочь рассматривает своих новых питомцев. Всех этих детей он собрал по своим владениям, подумав, что это неплохая идея. Лучше уж так, чем Новый Бог станет якшаться с сыном конюха. Кого-то он взял из приюта, кого-то подобрал прямо на улице. Беспризорики, бастарды, бродяжки, они были слишком благодарны за еду и тёплую одежду, так что барон не сомневался в их верности себе и дочери. Да, это была замечательная идея.

– Выбери того, кто станет твоим личным пажом, – проговорил он.

– А можно? – изумлённо и радостно воскликнула она.

– Я позволяю.

Детям велели выстроиться в ряд. Словно выбирая лошадь, Лианна шла прогулочным шагом вдоль их, рассматривая. Выпрямившись, зная, что отец смотрит, она не хотела выказывать своего волнения. Её встречали опущенные, отвёрнутые, испуганные взгляды. Мало кто решался поднять голову. Девочка уже дошла почти до самого конца шеренги, когда шаг её вдруг замедлился, а глаза удивлённо расширились. Среди опущенных голов и спрятанных взглядов, она увидела мальчика, который один стоял выпрямившись, высоко держа голову. У него были тёмные волосы и светло-карие глаза. Смотрел он куда-то вперёд, не замечая, казалось, Лианны, которая замерла у него перед носом.

– Как тебя зовут? – спросила девочка громко. Мальчик опустил на неё взгляд (он был выше её на полголовы).

– Кай.

Голос его показался Лианне дерзким. Она вся вспыхнула.

– Ты должен добавить в конце – госпожа, – проговорила она, задрав нос.

– Не должен. Ты мне не госпожа.

Лия даже остолбенела от такой наглости, а Кай вновь стал смотреть поверх неё.

– Как ты смеешь? Ты знаешь, кто я?!

– Знаю. Ты дочь барона Горвея, моего господина.

– Значит я твоя госпожа! Тебя мне подарили!

– Нет. Я человек, а человека невозможно подарить.

И Лианна, не выдержав, влепила ему пощёчину. Дети вокруг в страхе отшатнулись. И тогда Кай как будто впервые взглянул на Лианну, но не было в этом взгляде ничего, что могло бы удовлетворить или обрадовать её. Он не собирался ни бояться, ни повиноваться ей! И он остался стоять так же неподвижно. Лия тяжело дышала, свирепо глядя на строптивного мальчишку перед собой, который продолжал бесстрастно сверлить её взглядом! Она почувствовала жгучую злость, и уже замахнулась для второй пощёчины, когда барон вдруг подал голос:

– Довольно, – произнёс Горвей, вставая. Лианна в страхе смотрела, как приближается отец. На барона то этот Кай глядел во все глаза! Встав перед мальчиком, Горвей положил руку на плечо Лии.

– Это моя дочь, я хочу, чтобы к ней ты тоже обращался, как к госпоже.

– Хорошо, хозяин, – покорно ответил Кай. Лианна вся вспыхнула, но промолчала.

– Ты хочешь, чтобы он стал твоим пажом? – обратился Горвей к дочери. Та, подумав пару секунд, и взглянув в дерзкие глаза мальчишки, выплюнула ему в лицо: «Хочу!»

– Как скажешь. Тогда с этого дня этот мальчик будет везде сопровождать тебя, и выполнять все твои приказы. Ты понял, Кай?

– Да, господин, – спокойно ответил юный паж.

– Хорошо. Сейчас слуга покажет вам вашу комнату. Идите и отдохните, завтра утром вы приступите к своим обязанностям.

Детей гурьбой вывели прочь. Лианна смотрела им вслед, сверля взглядом спину уже ненавистного ей Кая, и думая: «Ничего, я выбью из тебя эту спесь, несносный наглец!»

На следующий день Горвей подарил дочери второй свой дар: с материка он привёз изумительно красивого, породистого, вороного жеребца. Конь бил копытом, рычал, словно лев, не подпуская к себе никого, но барон считал, что это как раз подходящий подарок для Лианны, если она хочет научиться покорять своей воле. Девочка с восхищением глядела на коня. Раньше она ездила только на пони, покладистом и скучном. Этот же зверь, разгоняющий своим ржанием слуг, оказался ей по нраву. Ему было около двух лет, ему ещё только предстояло вырасти, но уже сейчас он поражал своей дикой, свирепой грацией. Широкая спина блестела от пота, грива вздрагивала на изогнутой, лебединой шее. Он храпел и рвался, будь у него крылья, он, должно быть, взлетел.

– Он просто потрясающий, отец! – воскликнула Лианна, подходя ближе, без страха глядя в глаза лошади. Та смотрела подозрительно и злобно. Барон улыбнулся.

– Его зовут Буран. Если ты не сможешь приручить его и совладать с ним, он останется таким же диким и непокорным.

– Я смогу, отец! – уверенно ответила Лия.

В стороне гурьбой стояло несколько детей, в ужасе и восхищении разглядывая страшного коня. Кай тоже был тут. Лианна взглянула на него, надеясь увидеть и в его глазах страх, но со злостью поняла, что кроме любования красотой лошади в его глазах нет ничего. Девочка фыркнула.

– Паж! – крикнула она, стараясь придать голосу больше пренебрежения. Кай послушно подошёл.

– Да, госпожа?

– Скажи, кем были твои родители?

– Я не знал своих родителей. Я вырос в приюте, госпожа.

– Ха, так ты, наверное, и верхом то ездить не умеешь! – Лианна не скрывала презрения и усмешки, надеясь задеть его. Губы Кая дрогнули тонкой улыбкой.

– Умею, моя госпожа. Меня отправляли работать и на кухню, и на конюшню, и в кузню. Так что верхом я не уступил бы и вам. Да и многое другое я умею лучше вас.

Барон засмеялся дерзости мальчика, видя, как зарделась от негодования дочь. Лианна, взглянула на отца с недоумением, не понимая, неужели он поощряет такое поведение слуг?

– Это мы ещё посмотрим, – пообещала она, отворачиваясь.

Ей было и больно, и обидно. И она почувствовала, что пока не покорит этого Кая, то не сможет спать спокойно.

Глава четвёртая. Паж

Новым маленьким слугам быстро нашлась работа. Они помогали и на кухне, и в оружейной, и в кузне. Мальчишек часто посылали в город по всяким мелким поручениям, девочки в основном трудились в замке, учась у горничных и служанок. И всем этим детям позволялось играть с Лианной. Даже для самой девочки это было странно, ведь раньше её окружали только взрослые. Но ей так хотелось наконец завести приятелей по играм, что она всеми силами старалась занять детей. И вскоре, несмотря на смущение и страх перед юной госпожой, её новые питомцы стали ей ближе, хотя и продолжали сохранять дистанцию. Вместе они бегали по замку, играли в прятки, Лия показала им все укромные местечки, показала все лазы и ходы, про которые знала. Играть в куклы с девочками она и не собиралась, это было ей не интересно, поэтому она в основном играла только с мальчишками, притворяясь, будто они рыцари и воины, завоеватели и разбойники, моряки и охотники. Проносясь шумной гурьбой по двору, они всегда представляли собой пёстрое, разномастное зрелище: мальчишки разного роста и возраста, возглавляемые рыжей, словно лиса, невысокой девчонкой, одетой, однако, тоже как паренёк. С появлением друзей-мальчиков, Лианна совершенно перестала надевать платья, решив, что в них слишком трудно бегать и лазать.

И везде, во всех играх и на всех уроках, в любой час с ней был Кай. Одного его она отправляла по всем поручениям, заставляла выполнять свои приходы. Во всех играх он был грушей для битья, если её маленькой армии нужно было победить врага, им становился её паж. Но Кай, казалось, никак на это не реагировал. Всегда покорно исполняя её приказы, он этим неимоверно злил Лианну, заставляя её постоянно придумывать всё новые и новые способы унижить его. И вскоре и для всех остальных детей он стал козлом отпущения. Не было дня, когда кто-нибудь не пытался задирать его, но, в отличие от оскорблений, которые он слышал своей госпожи, Кай не терпел, когда кто-нибудь из детей выказывал к нему неуважение. Любой обидчик, открывая рот, рисковал быть вдавленным в землю несколькими тяжёлыми, беспощадными ударами кулаков паж. Он нападал быстро, словно волк, безмолвно и свирепо, заставляя любого из мальчишек кричать и вырываться. Лианна, видя расквашенные носы приятелей, пыталась приказать Каю не сметь их трогать, даже если они злословят на его счёт, на что он холодно ответил: «Твои оскорбления я буду терпеть сколько угодно, госпожа. Но терпеть оскорбления от других – это приказать не в твоей власти». Единственное, чем смогла ответить ему Лия – очередной тяжёлой пощёчиной.

Презираемый всеми сверстниками, постоянно вынужденные сносить нападки Лианны и обороняться от других детей, Кай, всё же, был выделен среди них, возвышался над ними, ведь ему, как пажу Лии, позволялось учиться вместе с ней. На всех её уроках с Арахтом он был с ней, когда госпожа училась фехтовать – он был её противником. Когда ей всё же удалось приручить Бурана, Кай вместе с ней ездил верхом, учась держаться в седле на высокой серой

в яблоках лошади. Будучи постоянно вместе, они вынуждены были постоянно противостоять друг другу. Лианна больше всего на свете хотела сломить его, заставить полностью, беспрекословно подчиниться ей и признать её! Она хотела, чтобы он стоял перед ней всегда со склонённой головой, глядел на неё со страхом и благоговением, как остальные слуги. Но вместо этого всегда получала отпор, гордый взгляд и величественно расправленные плечи, словно перед ней был не мальчишка, подобранный в приюте, а настоящий король. Сколько раз она подавляла в себе желание плюнуть ему в лицо словами о том, что она то Бог! Что её ждёт великая миссия, а он всего лишь жалкий человек, не более чем букашка! Но помня приказ отца, она молчала. Никому нельзя было знать...

Барон Горвей, видя, какой растёт его дочь, довольно улыбался в седеющую бороду. Беспрекословно подчиняющаяся ему и подчиняющая себе, гордая, сильная и надменная. Когда ей исполнилось четырнадцать лет, одного её взгляда хватало, чтобы превратить провинившегося слугу в жалкий комочек страха. И он всегда повторял ей: «Помни, кто ты есть. Помни, что они твои слуги, а не друзья». Да, она была рождена повелевать. Вбив в неё дисциплину, Горвей любовался её покорностью отцовским приказам. Арахт учил её языкам и грамоте, счёту, преподавал ей историю. Книги она поглощала с жадностью, словно боясь чего-то не успеть, упустить что-то важное. Но всё же, самыми её любимыми занятиями были фехтование и верховая езда. Она отлично держалась в седле. Её конь Буран, когда Лия садилась на него, из демона превращался в ручного пса, покоряющегося любому её приказу. А держа в руках меч, она точно танцевала, извиваясь, словно кобра, кольцами выходящая вокруг противника.

Но всё же, Кай оставался тем единственным противником, которого она никак не могла покорить. Вместе с ней он фехтовал, но, в отличие от других детей, отказывался поддаваться ей, и даже если проигрывал поединок, всегда упрямо поднимался вновь, готовый сражаться дальше. Его упорство не давало Лианне спокойно спать по ночам. В этом мальчишке она видела единственное, над чем она была не властна, единственное препятствие к тому, чтобы стать достойной дочерью для своего отца. И делом всей её жизни стало сломить его.

* * *

Лианна к пятнадцати годам превратилась в симпатичную, жёсткую и гибкую, как лук девушку, худую, поджарую. Она затягивала свои огненные волосы в тугую косу, отчего её красивое лицо вдруг становилось холодным и каменным. Она изумительно держалась в седле, но ни танцевать, ни даже грациозно двигаться, как подобает молодой леди, она не умела. Вместо этого по замку резко отщёлкивал стройный стук её сапог.

Но стоило ей только сесть в седло, как Лия начинала чувствовать себя в своей тарелке. Пренебрегая платьями, она, как и в детстве, продолжала носить мужской костюм, лишь по случаю наряжаясь, чтобы казаться благороднее перед отцом. Сидя же верхом, укрытая плащом, задвинув кожаные сапоги в стремяна, она позволяла себе дышать свободнее, пуская коня галопом. Со сворой своих товарищей они объехали весь остров, исследовали все леса и пещеры, все заводи и болотца. Отец часто брал Лианну на охоту, но в эти моменты она чувствовала себя слишком скованно, чтобы наслаждаться изумительными полями и долинами, окружающими её. Отправляясь же в эти путешествия с товарищами или с Каем, Лия хоть ненадолго забывалась.

Остров был красив. Нескончаемые леса, пересекаемые узкими лентами рек и ручьёв, покрытые вечным туманом и смогом болотца, золотящиеся осенью поля, долины, поражающие яркостью цветов и пронизывающим морским ветром! Кромку воды резали скалы, заключая берег в кольцо, но кое-где волны выбегали на землю, там, где раскинулись длинные, камени-

стые пляжи, покрытые тиной и раковинами, и привязанными рыбацкими лодками. Иногда, свешиваясь со скал, вниз, на пенящуюся пасть моря, заглядывались сосны, глубоко уходящие корнями внутрь камня, каждую бурю рискуя сорваться. Всегда разное море: то спокойно-бирюзовое, то чёрное, покрытое одеялом давящих туч. Единственное, что почти всегда оставалось неизменным, это ветер, окутывающий землю невидимым плащом. Слабый или сильный, он всегда сопровождал Лианну в её путешествиях.

Только проснувшись в своих покоях, она уже слышала его гудение в стенах замка. Сквозняками он проникал внутрь, заставляя сотрясаться от холода даже в самые жаркие летние деньки. В замке всегда было холодно. Одевалась Лия сама. Когда она была совсем маленькой, ей помогал одеваться Арахт. Никто не подпускался к девочке, никто не должен был видеть её отметину. Став старше, Лианна была предоставлена сама себе, но, во всём самостоятельная, она не жаловалась. Она привыкла обходиться без всех. Единственное, в чём ей помогала служанка – это расчесывать и заплетать в косу волосы, потому что они были слишком длинными, чтобы Лианна могла сама с ними справиться. Девушка не любила свои волосы. Слишком рыжие, ведь отец её был благородно темноволос. Рыжие волосы и веснушки по всему лицу были у сына повара, поэтому Лия злилась, что хоть чем-то похода на простолюдина. И они были слишком длинными, такими неудобными для верховой езды и фехтования, но отец не позволял их состричь. Сама девушка не видела в них никакой красоты.

Однажды она охотилась. В сопровождении небольшой свиты псарей, слуг и Кая они вышли из замка ранним утром. Стояла поздняя осень. Мешая грязь копытами, лошади шли по деревне. Отовсюду к статной, возвышающейся на большом чёрном коне девушке были прикованы странные, не то восхищённые, не то ненавистные взгляды. Но Лианна даже не отвечала на них. Она высоко держала голову, как учил её отец. Ей, знающей свою судьбу, не пристало смотреть на них, грязных, оборванных, недостойных. Её боялись. Даже не зная её, ни разу с ней не заговорив, каждый житель был в ужасе перед этой рыжеволосой девушки. Если её отца боялись за его характер, Лианну боялись за то, чей дочерью она была. Когда они проезжали площадь, она обернулась на голоса. Кай, ехавший сзади, приветственно помахал какому-то старику, стоящему у стены кузни и что-то дружелюбно крикнул. Кузнец улыбнулся в ответ. Встретив всё ещё улыбающийся взгляд Кая, Лия раздражённо прищипорила коня. Пустив лошадь галопом, она не обратила внимания на людей, которых окатила брызгами воды и грязи. Никто ей никогда не улыбался.

И только вой собачей своры, взявшей след, топот и ржание коней, крики, в конце концов заставили её опомниться. Лия в душе была счастлива свежему ветру, шуму, в котором можно было и забыться, и потеряться. Мимо проносились цветные всадники, размахивающие кнутами, псы с воем мчались куда-то к далёкой кромке леса. Поддавшись порыву, Лианна послала Бурана вперёд и могучий конь, вскоре обогнав всю свиту, чёрным ураганом помчался по полю. Впереди была видна свора. Девушка, поднявшись в стременах, увидела впереди красную точку, тщетно пытавшуюся убежать. Лианна почувствовала в груди искрящийся восторг. Ветер, бешеная скачка, погоня! Прищипорив коня, она вытащила из колчана стрелу и натянула лук. И затаила дыхание.

«Нужно попасть до того, как собаки её разорвут»

И лёгкая стрела с жужжанием сорвалась с тетивы. С коротким визгом, лиса как-то взвилась в воздух и кубарем покатила по земле. Через секунду на неё налетела свора, погребя добычу под массой рычащих,двигающихся тел. Лианна осадил лошадь и, тяжело дыша, улыбнулась. Меткий выстрел. Отец всегда учил её, что нет ничего эффективнее, чем один меткий, смертельный удар.

«Всегда помни это. Тот, кто бездумно бросается на врага, кто не рассчитывает свои силы – проиграет. Тот, кто умеет ждать, кто бьёт без промаха – тот истинный победитель»

Пока Лианна пыталась справиться с бешеным стуком сердца, к ней подъехал Кай. Юноша соскочил с лошади и двинулся к своре. Собаки, завидев его, радостно завиляли хвостами, заскулили, стали прижиматься к его ногам и высовывать красные языки. Потрепав псов за ушами, Кай осторожно пробрался к центру и вытащил за хвост то, что осталось от лисицы. Клыкастые пасти изрядно изорвали шкуру, но она оставалась всё такой же дивно красной, пышной, красивой. Лианна победоносно улыбнулась.

– Эта шкура достойно украсить мантию моего отца! Мне же останется слава за ловкое попадание.

Кай взглянул на неё, и Лианне на секунду показалось, что в его глазах мелькнуло сожаление.

– Да, госпожа. И это не единственная твоя слава, заработанная сегодня.

– Какую же ещё славу я сыскала, паж?

– Теперь, таких огненных волос, как у тебя, нет ни у кого на этом острове.

Лицо Лии болезненно, зло искривилось. Бросив на Кая ненавидящий взгляд, она приказала: «Отдай её псам», и послала коня прочь. Специально он сказал это или же случайно – она не знала, но чувствовала страшную боль и ненависть. Он задел её за живое. И больше всего её злило, как нелепо это было! И почему этот проклятый мальчишка никогда не может промолчать?! Он никогда не сдаётся. Сколько бы они ни дрались, сколько бы ни состязались, о чём бы ни спорили – Кай был единственным, кто никогда ей не уступал! Каждый ребёнок в конце концов сдавался ей, поддавался, признавал её власть и силу, но только не он. Кай, который был ей как раб, продолжал раз за разом одерживать над ней верх, даже не побеждая её, а просто не покоряясь, что было ещё унижительнее.

В себе Лианна постоянно чувствовала непримиримую борьбу. Два противоречия бились в ней: желание, чтобы все подчинялись ей, как её отцу, и мечта о том, чтобы её любили. Девочка чувствовала, что не может соединить это, ведь чтобы ей подчинялись и чтобы отец гордился ею, ей приходилось повелевать, быть жёсткой, жестокой, иногда и просто злой! Так хотел отец. И перед глазами всегда был Кай – мальчишка, который одной улыбкой, одним ласковым словом заставлял всех любить себя. В замке его побаивались и недолюбливали, зато в деревне к нему все прониклись теплом и нежностью. С собой он нёс свет и добро, когда, казалось, дочь барона приносит с собой только мрак и ужас. Едя верхом на чёрном как ночь коне, она заставляла сердца трепетать. Лия чувствовала своё величие, свою силу, гордость своего отца, и своё безграничное одиночество в этом мире. И чтобы хоть как-то не сойти с ума, она винила во всём Кая.

* * *

Из-под тяжёлых копыт летел щебень, поднималась туча пыли. Две лошади, идя бок о бок, вылетели из чащи и теперь, словно вихрь, мчались по склону к кромке воды. Ноздри их раздувались, с шумом втягивая воздух, изогнутые шеи дыбились длинной гривой. Лианна ударила Бурана хлыстом.

– Давай! Давай! – кричала она, с силой опуская хлыст на конские бока, с которых катилась пена. От ударов лошадь начинала храпеть и рваться, уходя влево. Буран вырвался вперёд, и Лия с усмешкой оглянулась на оставшегося Кая. Его серая в яблоках лошадёнка, подаренная бароном Горвеем, стелилась по земле, словно вода. Она не скакала, а будто плыла, как быстрый горный ручей, холодный и стремительный. А Кай, слившись с лошадью, став одним целым с её крупом, прижался к гриве. Его взгляд, устремленный вперёд, вдруг обратился к Лианне. На губах его играла улыбка.

Беспощадно работая кнутом, Лия погоняла Бурана. От бешеной скачки в её висках стучала кровь, но это был стук восторга. Победа была близка. У старой, брошенной на берегу лодки был их финиш, был её триумф! Конь под ней тяжело дышал, но продолжал отбивать яростный галоп по гальке, и когда серебристая грива лошади Кая поравнялась с ними, в первую секунду Лия не поверила своим глазам. Но, вновь увидев улыбку на губах юноши, она вдруг похолодела.

«Нет, я не позволю победить какому-то грязному простолюдину!» пронеслось у неё в голове, но, прежде чем она вновь опустила хлыст на круп Бурана, лошадь Кая вдруг скользнула вперёд, словно льдинка, обогнала Лию на целый корпус и пересекла воображаемую финишную линию. Не в силах поверить, что это конец, девушка ещё не скоро остановила коня, хотя, когда она обернулась, Кай уже осадил Снежку и спешился. Буран остановился, тяжело дыша и фыркая. Лианна чувствовала, как мелкой дрожью вздрагивают его ноги, но ей было далеко до сострадания лошади или до благодарности. Её руки сжались в кулаки на удилах. Развернув коня, она заставила его вернуться галопом и спрыгнула на землю. Кай легко поглаживал лошадь.

– Ты! – крикнула Лианна, подбегая. – Проклятый паж! Как?! – и она, замахнувшись, с силой ударила Кая по лицу хлыстом, который был всё ещё зажат в её руке. Юноша пошатнулся и упал на землю. – Как?! – яростно повторила она, с ненавистью ударив его ещё дважды. По щеке, лбу и руке Кая, которой он закрылся от последнего удара, пролегли кровавые отметины. Лия, тяжело дыша, отступила, стараясь сдержать себя. Взгляд Кая, устремившийся на неё, был полон ледяной бесстрастности.

– Как ты заставляешь эту клячу так скакать?! Мой Буран породистый конь, он лучших кровей! А твоя кобыла только соху тащить годится! Как ты это делаешь?!

– Просто, я никогда не бил её. – Его сухой голос обрушился на Лию больнее, чем удар её собственного хлыста. Застыв, она продолжала глядеть на Кая, тяжело дыша. Его взгляд не походил ни на что. В нём не было ни злобы, ни ненависти, ни страха. Вдруг выпрямившись, девушка развернулась и двинулась прочь. Буран опасливо попятился от хозяйки, но она поймала повод, вскочила в седло и с новой озлобленностью хлестнула коня по окровавленному боку. Лошадь вся пошатнулась, сгрудилась, взяла с места прерывистым, нестройным галопом и поскакала прочь, мимо Кая, мимо старой рыбацкой лодки. Вскоре пыль за ней улеглась.

Юноша тяжело поднялся с земли. Ушибы саднили, а рубцы от ударов хлыста просто горели огнём.

– Ну и силы же в ней, – пробормотал он, стирая кровь с лица. Напуганная Лией, Снежка осторожно подошла к хозяину и прикоснулась к нему головой.

– Что ж, думаешь победа того стоила? – сказал он, ласково поглаживая лошадь. Кобыла преданно и непонимающе на него взглянула.

До замка Кай добрался пешком, дав лошади хорошенько отдохнуть. Стража с подозрением покосилась на него, бессовестно разглядывая сияющие свежей кровью рубцы.

– Чем ты провинился перед госпожой, паж? – со смехом окликнул его Роп – славный малый, если не считать совершенной его бестактности и глупости. По его нелепому из-за отсутствия подбородка и слишком уж огромного носа лицу пролегла кривая улыбка. Но Кай привык к нему и не обижался.

– Смотри, только у неё не спрашивай! А то больше моего получишь.

Сзади донёсся дружный, глуповатый смех. Юноша расседлал и почистил Снежку. Кобыла благодарно фыркнула, когда Кай задал ей корм и, помахивая длинным белым хвостом, стала жевать овёс. Кай ещё немного побыл с ней и вышел во внутренний двор замка. Повсюду сновал народ. Стражники на стенах неторопливо расхаживали туда-сюда, зевая, от скуки позвякивая наконечниками копий о стены башен. С псарни доносилась дружная и нестройная грызня, крики Красавчика Тодда, старавшегося унять собак, разносились по всему замку. Глав-

ный псарь получил своё издевательское прозвище за разорванное псами ухо и прокушенную челюсть. Когда он только был служкой у бывшего псаря, он имел неосторожность сунуться к гончим, когда они только настигли зайца. Чудом оставшись в живых, столько лет спустя он сам стал напоминать собаку, подранную во многих драках. Даже двигался он теперь не шагом, а какой-то смесью рыси и собачей трусцы, пересекая двор быстро и полу-присев.

Из кузницы, пышущей жаром, валил печной дым. Кузней и его подмастерье – молодой совсем мальчишка, один из тех, кого Горвей привёз в приятели Лианне, покрытые потом и копотью, выбрались на минутку передохнуть.

– Здравствуй Саймон! Привет, Теодор, – с улыбкой поприветствовал их Кай. Подмастерье-Теодор со смесью злобы и презрения взглянул на паж. Каждый из тех, кому выпала участь днём и ночью работать или в кузне, или в конюшне, или в оружейной – терпеть не могли Кая. Каждый из них считал, что участь пажа это просто сказка. Как они ошибались.

Один Саймон, ответив на приветствие, и заметив шрамы на лице юноши, присвистнул:

– Ого! Я смотрю, с юной госпожой шутки плохи.

– Какие уж тут шутки, – грустно улыбнулся Кай и заметил ехидную, злую исподлобья ухмылку Теодора.

– Чтобы не зарывался, проклятый паж, – прошипели его злые, закопченные губы. Саймон тут же отвесил ему тяжёлую, словно наковальня в их кузнице, затрепину.

– А тебе кто слово давал, подлец?! Не расслабляйся, марш работать! И чтобы я ещё хоть раз услышал твой мышинный писк, ну!

Пнув его ещё раз хорошенько, Саймон обернулся к Каю с сочувствием на лице.

– Не заслужил ты такого, парень. Вот лучше бы ты ко мне в подмастерье пошёл, а не этот лентяй. Уж поверь, я бы не оставлял тебе таких отметин...

– Другая у меня судьба, наверное, – с благодарностью улыбнувшись, ответил Кай и двинулся прочь, мимо маленькой часовни, мимо колодца, где кухарка набирала воду.

– Помоги ка мне, паж, – произнесла она, кряхтя и с трудом разгибая спину. Передник её был пропитан жиром и припорошён мукой, которая осела ещё и на тусклых, жидких волосах. Кай помог ей снять полное ведро с крюка, перелил воду с два других ведра, стоящих тут же, и, взяв их, понёс в кухню. Женщина засеменила следом, то и дело охая и жалуясь на свою негнущуюся спину. Из двери, ведущей в обширную кухню, вился душный, пряный пар. Воздух здесь был ароматным, полным неразберихи. Невозможно было понять, что же сейчас здесь пекли, жарили или тушили, разделявали, чистили или засаливали. В полумраке, при свете одних только больших печей, повара и кухарки работали, засучив рукава. Казалось, что эти люди и сами полностью пропитались жиром и запахами, которые не улетучивались даже после бани. Их блестящие лица лоснились от пота, волосы всегда липли ко лбу и вискам. Загрубевшими руками они резали, мяли, мешали и раскладывали. На широких столах лежали овощи, дичь, в чане, булькающем над очагом, мешали похлёбку. Резкая вонь рыбы, запах сырого мяса, прогнивших очистков от овощей заставили желудок Кая неприятно сжаться. Следуя за кухаркой, он пересёк кухню и поставил ведра у печи. На него пахнуло жаром и запахом хлеба, так сильно, что юноша поморщился, так засадили рубцы на лице. Он отшатнулся от печи и случайно натолкнулся на толстяка повара, которого здесь все просто звали Рыло. Его лицо и правда мало чем напоминало человеческое, а его характер и подавно.

– Смотри куда прёшь! – рявкнул он злобно, а обернувшись и увидев, кто перед ним, весь затрясся от ярости. – Вы смотрите, кто к нам явился! Сам паж нашей госпожи!

Все в кухне притихли, с любопытством наблюдая за разворачивающейся сценой. Кай сейчас всё бы отдал, чтобы оказаться не здесь.

– Как это ты забрёл к нам, простым смертным, а, счастливчик-Кай? Неужели ты снизошёл до нас? Или, изукрасив тебя, госпожа решила, что уже не хочет, чтобы ей прислуживал такой вот изуродованный раб? – кругом нестройно загоготало. Рыло улыбнулся во всю ширь

своей однозубой улыбки. Его собственная шутка показалась ему весьма забавной. Кай же тихо произнёс:

– Я не раб. И я только хотел помочь.

– Помочь! Вы только гляньте на него! Да кому нужна твоя помощь, рабёныш? Держи стремя своей хозяйке, служи ей собачкой, да не суйся к простым людям, которые выполняют настоящую работу!

Дружный, одобрителный ропот раздался вокруг. Послышались оскорбительные выкрики. Кай шагнул к повару и остановился перед самым его носом, который пятачком глядел вверх.

– Тогда выполняй сам эту «настоящую работу» и не посылай женщину таскать ведра с водой! Легко тебе здесь репку резать, когда слабым остаётся вся остальная работа, а, Рыло?!

И через несколько секунд, поняв, что это был выпад в его сторону, повар, взревев, дал Каю мощную оплеуху, такую, что парень отлетел к стене и свалился на мешки с картошкой и репой.

– Щеня! – с рёвом, бросился на него Рыло, сопровождаемый дружным хором голосов, завывающих в отчаянии и в поддержке. – Сейчас я научу тебя, как надо себя вести! Пожалеешь, что на свет родился, ублюдок! Я тебя...

И повар, должно быть, убил бы Кая, если бы добрался до него. Но вдруг, сквозь толпу к нему кто-то подлетел и на Рыло обрушился сокрушительный свистящий удар. Повар отшатнулся и, обернувшись, хотел было ответить, но замер со смесью недоумения и ужаса на лице.

– Госпожа!..

А Лианна, тем временем, вновь со всего размаху ударила повара, повалив его на землю. Тот закрылся руками и закричал, а девушка, в наступившей тишине, продолжала снова и снова бить его хлыстом, в каком-то злобном, ненавидящем иступлении, пока хлыст не переломился. Но она продолжала до тех пор, пока Кай не поднялся и не перехватил её руку налету.

– Довольно, – проговорил он внушительно, почти строго глядя на хозяйку. Лия, посмотрев на него, ничего не ответила. Высвободившись, она швырнула сломанный хлыст на пол и быстрым шагом удалилась. Слуги в страхе, расступались перед ней и низко склоняли головы. Когда за ней захлопнулась дверь, все облегчённо вздохнули и начали перешёптываться. Рыло продолжал лежать на полу, мелко вздрагивая всем своим тучным телом. Кай подошёл и с помощью двух других поваров поднял его. Рыло в недоумении поглядел на юношу, которого он прежде хотел едва ли не убить, и который сам спас его, но ничего не сказал. Выходя из кухни, Кай слышал перешёптывания слуг и кухарок:

– Вы слышали? Стража видела, как госпожа вернулась в замок. И она вернулась без коня!

Глава пятая. Время отправляться в путь

У самой двери Горвей вдруг замедлил шаг. Сквозь щель из зала в тёмный коридор проник мягкий свет, внутри было тихо.

«Может, это не такая уж и хорошая идея» – вдруг вновь пронеслось у барона в мыслях. Но, преодолев эту минутную нерешительность, он отворил дверь и вступил в зал.

– Лианна, мне нужно с тобой поговорить.

Дочь обернулась к нему. Одета в строгое, чёрное платье, она стояла у окна, заложив руки за спиной. Волосы, как всегда, были беспощадно затянуты назад в длинную косу.

– Да, отец?

Барон изумился холодности, отчуждённости знакомого голоса. Её ледяной взгляд сверлил его, пронзал насквозь, так, что было даже неловко. Дочь изменилась. Изогнутая, как лук, такая же жёсткая, до изумления красивая и пронизывающая, как ледяной северный ветер. Ни

один мускул в её лице не дрогнул, когда отец вошёл в зал. Да, за эти годы она научилась держать себя. Горвей подумал, что если бы такими девушками стали все те, кто наполняет залы короля, возможно, когда-нибудь он бы и женился. Лия казалась ему венцом его трудов и стараний. Идеалом. Верхом совершенства, в котором, впрочем, Горвей всё же не видел чего-то, что его завершало. Не хватало какой-то детали, какой-то одной единственной черты, которая сделала бы его дочь близкой, родной. Может частички тепла в её глазах?

«Последнее, что дополнит её – это Божий венец!» – решил про себя барон, остановившись в нескольких шагах от дочери.

– Через месяц у тебя день рождения. Тебе исполнится семнадцать. – Лианна не проронила ни слова. Горвей думал, что когда настанет день и он произнесёт эти драгоценные слова, он будет безумно счастлив! Но вместо счастья он чувствовал сосущую тоску внутри, которой не находил объяснения. – Уже совсем скоро день, когда ты войдёшь в Божий храм и предъявишь права на свой престол.

Она лишь покорно кивнула. Барон продолжил:

– Ты достойно прошла обучение. Ты выросла такой, какой я бы хотел тебя видеть, я горжусь тобой.

Лианна думала, что когда она услышит эти слова, она будет, наконец, счастлива. С безразличием она поняла, что не чувствует ничего.

– Ни один мужчина не сравнится с тобой в бою, никто лучше тебя не держится в седле. Ты изучила сотни книг и летописей, ты знаешь историю, ты изучала тактику. Ты станешь Богом, которого запомнят на все века. И я решил, что перед своим восхождением на Божий престол, ты должна увидеть мир, которым ты будешь править. Мы отправимся в путешествие, в котором ты увидишь земли и народы, города и деревни, замки и дворцы. Наконец, ты увидишь мир.

Стараясь произнести это как можно более торжественно, Горвей сам понимал, как нелепо это выглядело. Лия, пока он говорил, бесстрастно и безучастно глядела на него своими голубыми, раскалёнными глазами. Под тёмными ресницами чернел провал зрачка. Когда барон закончил, она подождала пару секунд, не продолжит ли он, а потом сухо ответила:

– Как скажешь, отец. – И она вновь устремила взгляд в окно, где под утёсом раскинулась гладь воды. И Горвей вдруг почувствовала себя так, будто не он здесь господин и хозяин, а она! Вновь почувствовал это. Впервые это было в тот день, когда Лианна явилась к отцу и сказала, что загнала своего коня до смерти. Это не было похоже на покаяние. Такой вызов, такая ледяная бесстрастность были в её голосе, что Горвею и в голову не пришло бранить дочь. Он лишь сказал, что конь был её, и что она имела право делать с ним всё, что ей захочется. После этого она взяла себе другую лошадь, простенького гнедого скакуна.

Да, с того дня она изменилась. Казалось, что в ней исчезла жестокость, исчезли злоба и ненависть. Но, несмотря на то, что она почти ни с кем не разговаривала, её молчаливая фигура, тихо движущаяся по замку, пугала и настораживала его обитателей. Она больше не водилась с приятелями, не бранила и не наказывала слуг, даже почти не разговаривала с ними. Чаще всего она сидела в библиотеке за чтением, или в зале у большого окна, откуда было видно всю широту моря. И она выезжала из замка. Обычно, её сопровождал один только Кай, с которым она, казалось, тоже примирилась. Она больше не пыталась задеть юношу, не измывалась над ним, не унижала. Они постоянно были вместе, и он был бы самым близким ей человеком, но это было очень трудно назвать дружбой. Иногда они разговаривали, но Лианна всегда говорила неохотно, сдержано, холодно, с трудом подбирая слова. Кай не позволял себе досаждать ей, потому чаще всего их выезды из замка были абсолютно безмолвны.

Теперь, вместо её прежней жадности повелевать, жадности сломить всех, кто ей не покоряется, в ней поселилось желание покоя. Она постоянно искала уединения, то в тёмных закоулках замка, то в мрачной, затхлой библиотеке, то на просторах острова, который всё больше стал тяготить её тем, что был окружён со всех сторон водой, что некуда было ей скрыться. Кай,

её верный спутник, не мог развеять её тоску. Иногда ему часами приходилось ждать её, пока Лианна сидела на утёсе под вековым дубом, обхватив колени руками и глядя куда-то за линию горизонта. В такие моменты она представляла себе, что же там за водой? Какие страны? Какие города? Она изучала карты, читала книги, слушала рассказы Арахта, и её воображение тут же рисовало ей огромные крепости, обнесённые стенами, и роскошные дворцы, величественные города и башни, и Божий Храм, где ей предстояло принять её Благодать.

И вот, теперь перед ней открывалась возможность увидеть всё наяву. Но, почему-то, Лианна не испытала ни счастья, ни восторга. Кроме непомерной усталости и безразличия в её душе не вздрогнула ни единая струна. Она сделает так, как хочет отец. Если это всё, что от неё требуется, тогда так тому и быть. Она отправится в путь и увидит свои земли, она наконец узнает, каков же мир за этим беспокойным морем, она, высоко подняв голову, войдёт в Храм и скажет во всеуслышание, что она, Лианна, дочь Горвея Змееносца, Новый Бог! Она подарит своему отцу корону, и славу, и богатство...

И всё это она сделает, только бы её оставили в покое.

Поняв, что означает остекленевший, прикованный к горизонту взгляд дочери, барон молча удалился.

«Это очень плохая идея» – подумал он опять.

– Это верное решение, мой господин, – вспомнил Горвей слова Арахта. Маг явился в его покои, и своим предложением заставил Горвея метаться из угла в угол, словно безумному.

– А если кто-нибудь узнает о том, кто она? Что тогда? Здесь мы можем её защитить. Почему нельзя отправиться в Божий Храм перед самым её совершеннолетием?

– Потому что она тает, хозяин.

– О чём ты? – вдруг весь похолодел Горвей. Он не замечал в дочери никаких признаков болезни. Но вдруг она больна?

– Лианне одиноко. Всю жизнь она провела здесь, взаперти, вдалеке от людей. Она не видела мира, но в книгах родилось её желание увидеть свет. Она не доживёт до восемнадцати лет, если ты не дашь ей увидеть её мир.

– Она увидит мир таким, каким его не видим даже мы! – возразил раздражённо барон. – С вышины неба она станет взирать на землю, оттуда она изучит каждый краешек земли, каждый камень. На это у неё будет пятьсот лет, неужели ты не можешь объяснить ей этого?

– Она всё понимает, господин. И она не просит свободы. Но я клянусь тебе, если ты продолжишь держать её в клетке – можешь проститься со своей мечтой, быть отцом Бога Войны.

Барон молча остановился, глядя куда-то в сторону. Сердце неприятно стучало по рёбрам, отбивая беспокойство и недовольство. Арахт осторожно добавил:

– Она потеряет рассудок, если ты не вмешаешься.

Тогда Горвей взглянул на него с недоверием и злостью. Потеряет рассудок? О чём говорит этот ветхий, выживший из ума стрик? Он дал дочери то детство, которого не было и у него! Он никогда не избивал её и не унижал, она жила в достатке, окружённая слугами и учителями. И главное, у неё был отец, которым она могла гордиться и которого не ненавидела! Или всё же ненавидела?..

Он очень часто задавался себе этим болезненным, таким важным вопросом. Что если, дочь всё же ненавидит его? Но каждый раз этот вопрос разбивался об восстающую в сознании стену – «она лишь инструмент к моей цели, остальное не имеет значения».

Да, ничто не имело значения, кроме золочёной короны, которая с каждым днём виделась ему всё яснее. Старый король умирал. Горвей поразился тому, как совпадал этот срок со временем восхождения Лианны. Не иначе как сама судьба подсказывала ему, что вот он, шанс!

Но если Лия потеряет рассудок...

Прозрачный, ничего не выражающий взгляд, полное беспристрастие и безразличие дочери даже не встревожили, а напугали Горвея! Она и правда, как говорил Арахт, выглядела

так, будто её разум начинал таять. И он надеялся, что ещё не поздно. Она почти не разговаривала, реагировала на всё вяло или вообще не реагировала, слушала со скукой, мало ела. Только после разговора с ней барон припомнил всё это. Неужели, он всё же был точно таким же, как его собственный отец?..

И всё же он никак не мог понять – почему? Он дал ей семью, дал дом, друзей, учителя, слуг, которые подчинялись ей во всём. Он подарил ей пажу, с которым она могла делать всё что угодно. Почему же его дочь сходила с ума?.. Горвей не видел всего ужаса её существования. Он и не подозревал об этом, теряясь в догадках. Лишённая материнской ласки, имея отца, который растит тебя только с одной целью, который ждёт от тебя только одного, Лианна постоянно находилась в нервном, настороженном состоянии. С друзьями, которым велено было с ней дружить, окружённая слугами и селянами, чьей любви она в глубине души страстно желала, но которой никак не могла, да и не пыталась уже добиться, не имеющая понятия о добре и зле, Лианна не понимала, где кончается её власть над людьми и начинается жестокость к ним. С самого детства, огороженная от всех, особенно от женщин, она не представляла, как подobaет вести себя девушке, поэтому представляла какую-то немыслимую пародию – горделивого молодого лорда в теле прекрасной девы. Лишённая возможности хоть кому-то открывать свои мысли, она уже даже и не думала о том, что такое возможно. Она не представляла, что такое ласка. Ни одна собака или кошка не решались подойти к ней близко, зная, что от этой стремительной госпожи можно ожидать чего угодно, и пинка, и крика. Отец и Арахт ни на секунду не позволяли ей забыть, для чего она рождена. Кто знает, если бы она не была вынуждена всё время держать голову гордо поднятой, презрительно глядеть на окружающих её людей, быть непоколебимой и суровой – кто знает, какой бы она стала.

На секунду Горвей задумался. Что если бы он не отгородил Лию от мира? Что если бы он позволил ей расти среди сверстников, окружённой женской заботой и теплом? Если бы оставил ей хотя бы няню, чтобы та ухаживала за девочкой? Неужели та бы выдала секрет своей возлюбленной госпожи? И вдруг барону представилась странно сладостная картина: он сидит перед камином, отдыхая, а в комнату вдруг вбегает Лианна, малышка, в красивом платье, с распущенными, рыжими волосами. Она смеётся, забирается к нему на колени и обнимает его, повторяя: «Папа! Я так рада, что ты вернулся!»

И барон улыбается, глядя её по пушистым завиткам волос, любуясь лучистым лицом дочери. Она без умолку щебечет. Милая картина...

Но тут перед ним вновь, словно призрак, встала его нынешняя дочь, их встреча, её жесткая поза, её безучастный взгляд и начинающий шуршать, словно у Арахта, голос. Барона пробрала внезапная дрожь. И это была его дочь? Но не это ли была его цель? Сильная и непоколебимая, беспрекословно подчиняющаяся? Чего же ты ждал, Горвей? Мягкая, податливая глина в твоих жёстких руках стала подобна стали. Лия теперь больше напоминала скалу, на которой стоял замок – неподвижную, бесстрастную, каменную. Из прежнего ребёнка в ней остались только рыжие волосы, да метка на спине, которая из неясного, красного пятна превратилась в потрясающей красоты узор, испещрённый линиями и знаками, завитками и символами. Плащом метка скатывалась по плечам девушки, падая до самого крестца. Иногда борон со смешанным чувством горького смеха и страха думал, что не заметь оборванец-тюремщик этого пятна, Лианну ждала бы совсем другая, короткая судьба. Нового Бога утопили бы в канаве у стены. Но вот если бы её не убили... В конце концов, она бы попала в Божьим Монахам, была бы воспитана ими совсем в другом месте, в других традициях, с другими целями. Какой бы она была? Слабовольной? Умиротворённой? Жалкой или стала бы воплощением чистоты и добродетели? Какой?

Горвей с раздражением встряхнул головой. Лия родилась в его темницах не просто так. Сама Судьба распорядилась таким образом, и было бы глупо отказываться от подобного подарка.

Размышляя, он вышел на балкон, откуда был виден внутренний двор. Осенние дожди превратили его в грязевую лужу, где нельзя было пройти, не замарав сапог до самой щиколотки. Хлюпая, по двору шагали слуги, вёл лошадь конюх, иногда пробежали поджарые, худые дворняги. Начальник стражи развлекался, заставляя юнцов нападать на себя. Все они отлетали, словно щенки, от второго-третьего удара. Торос, даже не надевший кольчуги, притворно-яростно бранился, называя мальчишек остолопами и калеками.

– Дерётесь как бабы! – кричал он, дав под зад одному пареньку, не успевшему ещё подняться. Тот ткнулся лицом в грязь. – Где вас, таких сопляков, понабрали, а? Кто следующий?

Ребята замаялись, зашевелились.

– Пусть паж идёт, – вдруг сказал кто-то, и все дружно поддержали. Кай, всё это время стоявший в сторонке, поднял взгляд и, пожав плечами, вышел вперёд. Товарищи дружно подбадривали его. С того случая на кухне, когда Кай спас повара от Лианны, его стали невольно уважать. Трудно было сказать, что его начали любить, но больше никто не позволял себе насмешек в его сторону. Скорее все поняли, что мальчишка не зарвался от своего положения, чем снискал себе снисхождение среди других слуг. Даже сейчас его послали вперёд не из ненависти, а только потому что знали, что он лучший из фехтовальщиков. Торос, хоть и не признавался, любил парня.

– Значит ты, паж, будешь отрабатывать за всех? – улыбаясь в побелевшие, но густые усы спросил начальник стражи. Кай достал меч.

– Похоже на то. – В его глазах зажглись лукавые огоньки. Торос придал себе суровости.

– Только не думай, что я дам тебе расслабиться! Раз бьёшься за всех, я тебя жалеть не стану! – расправивший плечи старик представлял собой величественное, грозное зрелище. Казалось, что годы не только пощадили, но и преумножили его силы, оставив таким же высоким и могучим, как в дни юности.

Когда они сошлись, взглянувший со стороны мог бы подумать, что сейчас здесь будет учинена расправа – так, на первый взгляд, были неравны силы. Кай, стоя в гуще товарищей, мало чем среди них выделялся, разве что своим полным спокойствием. Он не был выше остальных, его мускулы ещё только обещали стать крепче стали, обхватив широкую грудную клетку и плечи. В его чертах не было ничего такого, что заставило бы сразу обратить на него внимание. Но знавшие Кая, видя, как тот выходит один на один с могучим Торосом, знали, что юноше ничего не грозит. Вступая в бой, он следил за противником во все глаза, отмечая каждый его шаг, каждое движение рук. Видя, что противник быстр, как молния, паж занимал оборону, отбивая многочисленные, внезапные атаки, а потом бил сам, в нужный момент, точно и хладнокровно. Если, как с Торосом, противник был силён, как скала и так же медлителен, Кай превращался в рысь, танцующую вокруг противника, нанося молниеносные, короткие удары. Сверху, снизу, снова снизу, справа, выпад! С Торосом он дрался не в первый раз. Первые раз пятьдесят, когда Кай ещё только был зелёным мальчишкой, он, как и все, летел через весь двор, словно разбившееся о скалу судёнышко. Но, вытирая кровь, упрямый паж поднимался и, держа наперевес деревянный меч, снова кидался в бой. После всех ушибов, падений и унижений, Кай всё же нашёл слабое место своего противника, после чего ему стало значительно легче удерживаться на ногах.

Теперь же, восемнадцатилетний паж служил едва ли не путеводной звездой для остальных учеников Тороса, показывая на своём примере, что матёрого волка можно если не одолеть, то хотя бы выстоять в схватке с ним.

В их бешеной пляске начал угадываться исход. Начальник стражи стал двигаться чуть медленнее, отвечал ленивее, казалось, что меч в его руке с каждой секундой тяжелеет всё больше. Кай же, напротив, всё это время берёгший силы, вдруг стал нападать ещё яростнее, удары стали более меткими, злыми, наносились в самые уязвимые места. Старый воин был слишком хорош, чтобы сдаться так просто. Несмотря на усталость, он продолжал отбиваться, в

надежде на удобный случай. Но его не было, Кай казался неуязвимый. Бой затянулся настолько, что по лбу Тороса начал катиться пот, даже паж запыхался в своём неистовом танце. Но тут главе стражи, казалось, надоел бой. Словно разъярённый бык, он вдруг вышел из обороны, ринулся на врага и мощным ударом выбил оружие у того из рук. Кай, как бывало в детстве, отлетел в сторону, на губах его показался сгусток крови. Товарищи разочарованно поникли.

Торос, с трудом отдышавшись, бросил меч и подошёл к поверженному ученику. Кай поднялся на локтях, сплюнул кровь и улыбнулся учителю.

– Что, мальчишка? Не настолько я ещё стар, чтобы всякие сопляки бросали мне вызов! – грозно пробасил Торос, хмуря брови.

– Всегда настаёт день, когда ученик превосходит учителя, – всё улыбаясь, глядя в глаза старику, произнёс юнец. Его приятели были готовы поклясться, что это были последние слова Кая в жизни. Но Торос, вместо того чтобы проучить наглеца, расхохотался, поднял пажа с земли и с силой хлопнул того по плечу.

– Настанет такой день, я не сомневаюсь, но не сегодня! Нет, Кай, знаешь, я в какой-то момент решил, что ты меня заморишь!

– На это я и рассчитывал.

– Нет, парень, если хочешь меня победить – меняй тактику! Я ещё не настолько стар, чтобы поддаваться юношеской юркости. А вы, щенки, учитесь! Он был таким же сопляком, как вы!

Поражённые приятели восхищённо загалдели. Горвей, всё это время наблюдавший с балкона, усмехнулся. Этот мальчишка, которого он подобрал едва ли не на улице, был подобен лорду, вынужденному жить среди простолюдинов. Его спокойному достоинству можно было только позавидовать. И он оказался отменным бойцом! Для своей дочери барон не смог бы найти более надёжного телохранителя. Вот только это ненадолго...

– Паж! – крикнул Горвей. Кай поднял взгляд, и барон знаком велел ему подняться. Юноша скрылся в дверях замка. К Горвею у Кая сохранилось особое, почтенное и благодарное отношение. Если со всеми остальными, даже с Лией, он позволял себе быть подчёркнуто гордым и полным достоинства, то для барона он был верным, преданным слугой, готовым исполнить любой приказ. Мальчишка понимал, какую честь оказал ему его хозяин, забрав из грязного приюта и дав кров. Даже, не стань Кай пажом, получив при этом море привилегий, возможность учиться наукам и фехтованию, стань он простым кузнецом или пекарем, он бы всё равно чувствовал себя в неоплатном долгу перед этим человеком. Главное, он имел бы дом, крышу над головой, свой кусок хлеба и возможность отплатить долг.

Кай вышел на балкон и поклонился господину.

– Ты превосходно владеешь мечом, – заметил благосклонно барон.

– Благодарю вас, хозяин. Всё это заслуга мастера Тороса.

– Вскоре ты и его сможешь превзойти.

– Очень не скоро, как мне кажется.

– Чушь. Ты владеешь мечом едва ли не лучше всех в замке. За исключением моей дочери. Кай, выпрямившись, заложил руки на спину. Это движение напомнило Горвею Лианну.

– Моя госпожа – самый быстрый и острый меч на этом острове, милорд.

– Да, но я знаю, что она не может победить тебя. А ты её.

Горвей часто наблюдал за их схватками и успел заметить, как яростно дочь бьётся со своим пажом, и как она никак не может выбить меч у него из рук.

Кай молчал.

– Значит ли это, что моя дочь слаба?

– Нет, господин.

– Тогда, что же это значит?

– То, что мы не можем друг другу уступить.

– Почему же?

– Потому что она дочь Горвея Змееносца и не имеет права уступить. А я свободный человек и не желаю уступать.

– Свободный человек. А что же ты скажешь на то, что тебя здесь называют рабом?

– Это ложь, – голос Кая вдруг напрягся, хотя до этого он говорил спокойно. – Я не раб. Человек не может быть рабом.

– Тогда почему ты здесь? Зачем служишь госпоже, единственное желание которой – сломить тебя?

– Из верности, хозяин.

Горвей вскинул брови.

– Верности?

– Я поклялся служить вам и вашей дочери. Я поклялся быть её верным слугой и защитником. Меня держит здесь верность.

– Значит, если я скажу тебе, что ты можешь покинуть мой замок, и никто не будет тебя преследовать, ты не уйдёшь?

– Нет.

– А если тебе дадут денег. Так много, что ты будешь жить всегда в достатке, сможешь выстроить свой собственный замок и сделать лордом, тогда ты тоже останешься?

– Да.

– Почему?

Тут Кай впервые взглянул в глаза Горвею. Его чистый, прямой взор застиг барона врасплох и даже смутил.

– Потому что вы дали мне дом, господин, которого у меня никогда не было. Дали мне семью, растили меня как сына. Мой долг невозможно оплатить.

Горвей не хотел себе признаваться, насколько был растроган. Вместо этого он нахмурился и отвернулся от чистого взора юноши.

– Прекрасно. Раз ты так предан мне, слушай, паж. Через месяц с острова отправится корабль. Ты будешь сопровождать мою дочь в её путешествии. Вначале корабль отправится к южным островам, а оттуда дальше на юг, к материку и в его глубь. Ты везде будешь сопровождать Лианну в качестве её телохранителя, ясно?

– Да, хозяин, – тихо ответил Кай. – Госпожа знает?

– Да, я ей уже сообщил. Вы отправитесь вперёд меня, я двинусь следом, мы встретимся уже на материке. Ты отвечаешь за её безопасность, паж, слышишь?

Барон грозно взглянул на юношу. Кай поклонился.

– Я отдам жизнь за неё, хозяин.

– Отлично. Потому что если с ней что-то случится – твою жизнь я сам заберу.

* * *

Вскоре снарядили корабль. Селяне с удивлением и трепетом наблюдали за этими приготовлениями. Столько лет никто почти не покидал остров, а сейчас на отремонтированное судно погружали тюки с провизией, бочки с водой и вином, сундуки и прочую поклажу. Никто и не предполагал насколько важное событие совершалось. Новый Бог готовился вступить на свой престол. Но Горвей всё знал. День ото дня он становился всё беспокойнее, озлобленней, слугам доставалось от него чаще и резче. Он то и дело гонял бедного служку на берег и обратно, самостоятельно проверял крепость мачт и руля, сам отбирал стражу для дочери.

А Лие, казалось, было всё равно. Она безразлично собирала вещи, со спокойным достоинством осматривала корабль вместе с отцом, тихо ждала путешествия. Никаких расспросов, никакого волнения не читалось на её лице. В детстве она часто представляла себе, каково ей будет покинуть дом, вступить в неведомые ей земли? Это будет восторг и пыл? Она клялась себе, что не будет спать целыми ночами, глядя в морскую даль, в надежде увидеть первые очертания берега. Нет. Лианна теперь с лёгкой грустью понимала, что от путешествия ей нечего ждать. Это странствие было лишь отсрочкой, только развлечением, чтобы скоротать время до того дня, когда она должна будет выполнить свой долг. От этого путешествия ничего для неё не изменится, так есть ли в нём смысл? Лия лишь чувствовала, как внутри неё начался внутренний отсчёт, как по крупинке уходило отведённое её на земле время. Один только жалкий год. Что она успеет увидеть? Потому, чтобы забыться, не чувствовать в себе этой сосущей пустоты, она сдержанно и холодно глядела вперёд, где уже маячил её Божий трон.

В день, когда отправлялся корабль, стояла немного ветреная, но ясная погода. Холодные порывы трепали одежду Горвея, который, принарядившись, стоял на берегу и глядел на корабль, пришвартованный вдали. Худые вертикали мачт крестами разрезали небосвод. Солнце беспощадно жгло глаза, барон шурился, стараясь рассмотреть небо вдали, не виднеются ли тучи. Всё было чисто и бело.

Вскоре появилась Лианна. Послышалось конское ржание и глухой топот копыт по песку. Горвей, обернувшись, увидел дочь, одетую в тёмно-красное платье, впервые едушую в женском седле. Соскочив с песочного цвета лошади, он швырнула вожжи слуге и направилась прямо к отцу, выпрямившись, гордо неся рыжеволосую голову. Позади неё шёл Кай, на прощание улыбнувшийся приятелям, выстроившимся на берегу, слугам, которые кротко махали ему руками. Он был вооружён, одет не хуже сына лорда, в отличную кожу, на плечах его лежал тёмно-синий плащ, перехваченный серебряной застёжкой – вороном, несущим змею. Горвей с удовольствием подумал, что из мальчишки вышел отличный воин, и что его дочь теперь точно в безопасности. Взгляд у Кая, подошедшего к господину, стал вдруг серьёзным, рука сжалась на рукояти меча.

Лия двигалась стремительно, не глядя по сторонам, будто шла по коридору в замке, а не окружённая толпой людей, следящих за ней. Даже на шёпот: «Эк, рыжая то» – она и бровью не повела, хотя внимательный глаз и мог бы увидеть, как скривились её губы. Подойдя к отцу, она, словно вспышка молнии, глянула на Арахта, стоящего рядом. Его верхняя губа поднялась в улыбку, представив беззубый рот. Лианна более не удостоила его взглядом. Она смотрела на отца и ждала. Горвей медлил.

Что он видел перед собой? Семнадцатилетнюю девушку, в которой не осталось ни следа от ребёнка. С её лица была безжалостно стёрта улыбка, в глазах не были ни единой искры. Никакой радости или возбуждения в преддверии путешествия. Никакого азарта. Она стояла, выпрямившись, будто проглотила клинок, заложив руки назад, словно солдат перед командиром. Она глядела прямо и пронзительно, глаза её жгли, как два раскалённых добела куска железа. Точки зрачков сверлили самое сердце барона. Он чувствовал себя неловко рядом с дочерью, и облегчённо вздохнул, когда она вошла в лодку и та отчалила от берега. Отец не обнял её на прощание.

– Настал день, когда ты покидаешь дом, – произнёс он торжественно перед этим. – Ты отправляешься в путь, мы скоро встретимся, а пока я поручаю твою защиту Каю и охране, которую я тебе подобрал. Они смогут постоять за тебя.

Лианна презрительно окинула взглядом солдат, окруживших её.

– Я сама смогу себя защитить, – процедила она, но добавила, смягчившись: – Благодарю за заботу, отец.

Горвей лишь протянул руку и прикоснулся к её плечу, и когда Лия опустила взгляд на неё, и он её тут же отдернул и кивнул.

Вёсла выбросили в воздух радужный вихрь брызг. Лодка, качнувшись, заскользила по волнам, к кораблю. Бирюза переливала под бортом, облизывала бока судёнышка, играла пеной. Барон провожал взглядом дочь, которая ни разу даже не обернулась назад. Он вздохнул, но тут же выпрямился и заставил себя почти что улыбнуться.

«Пришло время, – произнёс он про себя. – Остался всего лишь год. Он пролетит так быстро, что я и заметить не успею, как она сделает меня королём! Скоро мы с ней встретимся на материке. Скоро»

Но тайное беспокойство поселилось в его душе, мешая уснуть.

Часть II. Лианна

Глава первая. «Чёрный невод»

Скрип мачты и канатов, удары волн о борт, упругое трепыхание паруса и окрики матросов превратились для Лианны в своеобразную мелодию, которая сопровождала её изо дня в день.

Изо дня в день.

Всё повторялось. Солнце поднималось из-за далёкой кромки воды, алым вздохом приветствовало путников, взбиралось всё выше по небосводу, карабкаясь среди облаков, а вечером устало падало в гостеприимные перины океана. И вокруг не было видно ни единого уголка земли. Создавалось впечатление, что весь мир составляет один лишь этот бескрайний водный простор, тяжёло-синий, могучий и непредсказуемый.

Лианне было скучно. На неё почти не действовала морская болезнь, поэтому она со смесью презрения и отвращения смотрела на свою свиту, не привыкшую к морю, которая, свесившись за борт, извергала в воду содержимое желудков. Кай держался лучше остальных, хотя после первых нескольких дней почти не решался есть. Паж ходил бледный и осунувшийся, но, несмотря на это, каждый день с восторгом наблюдал за закатом и восходом солнца. Лия с безразличной холодностью следила за ним, но потом спросила, что же он такого особенного видит в этом ежедневном явлении?

– Только не говори, что ты один из тех глупых поэтов-романтиков, которые воспевают красоту природы, сравнивая её с человеком, – спросила она. – Каждый день будет восход. И каждый вечер закат. Так было и так будет, невозможно восхищаться этим каждый день.

Кай улыбнулся.

– Один никогда не похож на другой, госпожа. К тому же, если я завтра умру – это будет мой последний закат. Я бы хотел запомнить его. А вы?

Лианна бесстрастно на него взглянула. Лицо её скорее напоминало каменную маску статуи, нежели девушки.

– Я не умру завтра. И послезавтра. Таких закатов я увижу ещё столько, что успею их возненавидеть. А ты – тешь себя иллюзией, что перед лицом смерти будешь вспоминать красоту солнца.

– О чём же следует вспоминать, умирая? – спросил её Кай, глядя на госпожу ореховыми, пытливыми глазами. Рот её искривился.

– О том, чего ты достиг. Сколького добился, сделал ли ты то, что тебе было предписано судьбой.

– И что же, по-вашему, предписано вам, госпожа?

Лианна взглянула на него как-то грустно и вместе с тем зло улыбнулась.

– Скоро узнаешь, паж.

Уже четыре дня длилось их путешествие. Больше всего Лианна любила сидеть на носу и глядеть, как корабль своим деревянным, грузным телом разрезает воду, как бегут брызги пены по его покатым бокам. Устроившись там, крепко ухватившись за канат, Лия вдыхала порывы солёного, щекочущего лёгкого воздуха, который трепал ей волосы и платье. В такие моменты, когда скрип мачт, окрики и прочий шум заглушались, когда она слышала лишь плеск волн и гудение паруса, Лие казалось, что у неё за спиной вырастают крылья и она взлетает...

Небо манило её, раскрывало объятия и жестоко насмехалось, когда Лианна, вдруг очнувшись, вновь оказывалась на провонявшем рыбой судне, окружённая позеленевшими от мор-

ской болезни слугами, и грубыми, грязными матросами, более похожими на попрошаек с базара.

Лианна с какой-то мрачной настороженностью ждала прибытия на материк. Отец и Арахт годами убеждали её: «Люди злы и коварны. Если бы Бог попал в их руки – они поработили бы его». Отец, казалось, никогда не принуждал её ни к чему. Он дал ей свободу, дал людей, которые служили ей, дал лошадей, чтобы она могла ездить везде, где захочет. Она забывала лишь о том, что он ограничил её мирок пределами одного небольшого острова.

«Тебя растили бы как зверя в клетке, госпожа, – говорил Арахт. – Ты бы сидела на цепи, не умела бы ни читать, ни писать, ни даже говорить. Запуганная и загнанная, ты бы вступила на Божий престол такой, чтобы тобой могли управлять. Твой отец спас тебя!»

И сейчас Лия не знала чего ждать. Она не признавалась себе, как страшно ей было...

Она боялась людей, которых встретит там, боялась даже матросов, которые работали на корабле! Даже своей страже она не до конца доверяла. Поэтому она должна была сама за себя постоять. Никогда она не покидала острова, замка и отца.

Она не могла спать по ночам. Скрип и скрежет, топот ног над головой, храп мужчин из соседней каюты – по ночам это начинало сводить её с ума. Иногда она выходила на палубу и устраивалась на канатах, неотрывно глядя в звёздное небо. Оно успокаивало её. Лианна повторяла себе, что скоро оно станет её домом.

Действительно, скоро. Ещё на острове она заметила, что её отметина начала расти. Солнце, и без того раскинувшееся на всю спину девушки, начало обхватывать и живот. Оно спускалось по бёдрам, подкрадывалось к рукам. Стоя у зеркала, Лия с удивлением и внутренним трепетом наблюдала за этой переменной. Да, ничто не давало ей забыть о её судьбе... Отец не давал, Арахт тоже, даже её собственное тело день ото дня напоминало об этом всё больше и больше! Но Лианна за столько лет научилась одной важной для неё вещи – смириться со своей судьбой и принимать её. Горвей дал ей кров и семью – он получит корону, Арахт дал ей образование – он получит власть. Это то, что от неё требуется.

Однажды ночью она вновь не могла уснуть. Тяжёлые, надоедливые мысли давили ей голову, Лианна ворочалась и, в конце концов, не выдержав, встала и выбралась на воздух. Ночь встретила её мягким лунным светом, который серебрился на горизонте. Вода у бортов мягко бухала, ветер слабо, лениво надувал паруса. На борту было удивительно тихо. Лишь рулевой возвышался широкой тенью, да и он, казалось, задремал, склонив голову.

Лия прошла вдоль борта, глубоко вдыхая солёный воздух. После душной каюты ей казалось, что эти порывы ветра слаще мёда. Тихонько скрипело дерево, парус лишь иногда вздрагивал, а потом снова лениво опускался. Девушка подумала, жаль, что днём на палубе нет такой же тишины! Как ей не хватало покоя и уединения в этой суете.

Лианна хотела было вновь устроиться на канатах или на мешках, но то тут, то там её встречал громогласный храп матросов, которые в ясную ночь перебрались спать наверх. Дойдя до самого носа корабля, Лия, потерявшая надежду найти себе место и начавшая злиться, вдруг приостановилась. Она заметила мужчину, спящего, на мешках у самого борта. Его черты показались Лие знакомыми. И точно, подойдя ближе, она узнала Кая. Девушка в недоумении на него уставилась. Только матросы спали на палубе. Её свите были выделены каюты, так что же паж делал тут? Лианна с любопытством стала разглядывать его лицо. Прежде она никогда не заставляла его спать. И впервые на его губах не играла улыбка, глаза не щурились в усмешке, а лоб и брови не хмурились. Его лицо выражало полный покой. Таким Лия его никогда не помнила. Тут паж зашевелился и, вздрогнув от свежего ветра, свернулся как кот, прикрыв лицо рукой. Лианна поспешила уйти, внезапно почувствовав неясное смущение. Ей показалось, что её щёки вспыхнули огненным румянцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.